АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ТЕКСТОЛОГИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ТЕКСТОЛОГИЯ

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1964

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

ОТ АВТОРА

Эта работа написана в основном на материале древней русской литературы, но предназначена она не только для специалистов по древней русской литературе.

Сейчас между текстологами, изучающими новую русскую литературу, текстологами, изучающими древнюю русскую литературу, текстологами-востоковедами, текстологами-классиками, текстологами медиевистами-западниками существует значительное разобщение. Это разобщение отчасти объясняется тем, что «текстологов вообще», не являющихся одновременно специалистами в какой-то определенной области литературоведения и источниковедения, не существует и не может существовать. Каждый текстолог связан со своим материалом, над которым он работает, и в известной мере связан этим материалом. Отвлекаясь от своей практической работы и пускаясь в область теории текстологии, текстолог продолжает находиться во власти материала своей узкой специальности, он рассматривает различные «казусы» из своей области. Но это крайне затрудняет обмен опытом между специалистами текстологами разных областей. Обобщения, которые могли бы быть предметом обсуждения, заслонены в текстологии и самим обилием обычно приводимого материала. В результате общей теории методологии нет и нет необходимых определений основных понятий и терминов.

Для того чтобы облегчить обмен опытом, автор поставил себе целью дать краткую сводку текстологических обобщений, дать необходимые дефиниции и сформулировать основные задачи.

Примеры в этой работе приводятся только в крайних случаях для пояснения мысли и в самой сжатой форме. Если замечается сходство в решении отдельных вопросов у тек-

стологов — специалистов по древней русской литературе и у текстологов, работающих в других областях, — примеры могут выходить за пределы древнерусского материала. Автор больше говорит о сходствах, а о различиях предоставляет судить специалистам по новым и средневековым — восточным, западноевропейским — текстам.

В работе в связи с ее особыми задачами затрагивается более широкий круг вопросов, чем в книге автора «Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.)» (М.—Л., 1962).

Итак, эта работа написана на материале текстологического изучения древнерусской литературы, но рассчитана она на текстологов, работающих и в других областях. Она предназначена для обмена опытом и обобщениями, для обсуждения, для установления сходств и различий. Она ни с кем не спорит, но назначается для споров. Это тезисы, объявляемые перед спором. Этим определяется и лаконичность изложения.

Автор надеется, что работа сослужит добрую службу, даже если вызовет возражения.

ЗАДАЧИ ТЕКСТОЛОГИИ

Текстология изучает историю текста того или иного произведения. Этим произведением может быть и исторический документ, и художественное сочинение.

Изучение истории текста дает объективные основания для интерпретации содержания и формы произведения. История текста позволяет заглянуть в глубину не только художественных произведений, но и различного рода документов.

В новой литературе имеет научную ценность прежде всего история текста в руках у его автора. В литературе древней (русской, славянских, западноевропейских и восточных) имеет значение не только «авторский» период жизни произведения, но и весь последующий.

Обычное читательское восприятие произведения диаметрально противоположно текстологическому. Автор создает иллюзию одновременности и непрерывности создания своего произведения. На самом деле каждое произведение создается длительно, в творческих исканиях и нетворческих случайностях. В нем могут быть вскрыты различные слои, напластования, следы затушеванных изменений замысла и т. д. В читательском восприятии произведения автору оказывается полное доверие. Автор ведет читателя по своей «последней авторской воле». В текстологическом же исследовании произведения текстолог пытается увидеть за последним текстом его историю. Текстолог действует вопреки авторскому намерению, восстанавливая историю текста произведения, изучая черновики, которые отнюдь не предназначались для читателя. Автор предлагает читателю свой последний текст так, как будто бы он был создан сразу от начала и до конца, без колебаний и поисков, без ошибок и изменений замысла. Писатель создает более или менее «парадный» текст и не рассчитывает, чтобы к нему заходили с черного хода, читали его черновики. Все это нару-

шает текстолог. В этом смысле нарушение авторской воли — исследовательский долг текстолога. Его подход к произведению прямо противоположен тому, на который рассчитывает автор.

Впрочем, это разделение читательского восприятия произведения и научного все время нарушается в пользу последнего. С ростом интеллигентности читателя последнего все больше начинает интересовать история создания произведения. Этот интерес прививается уже со школьной скамьи. И чем больше читатель начинает интересоваться не только творением, но и творчеством писателя, тем больше у писателя оказывается не только его читателей, но и почитателей. Писатель ищет читателя, безусловно доверяющего ему, но наиболее рьяным его поклонником все же оказывается тот его интеллигентный читатель, который, нарушая эту авторскую волю, заглядывает в тайны его творчества.

Изучение истории текста произведения не может ограничиваться установлением порядкового взаимоотношения текстов. Текстология изучает и характер самих текстов, цели, ради которых они составлялись, причины их изменений и т. п. в пределах, необходимых для объяснения их истории.

В историю текста произведения входит его литературная история и внелитературная, творческая история памятника и все те нетворческие моменты, которые привели к изменению текста (случайные утраты и искажения, изменения под давлением цензуры, требований политических организаций, гонорарных соображений и пр.).

Главный методический принцип современной текстологии состоит в том, что история текста произведения изучается не в разрозненных «чтениях» его отдельных мест, а как единое целое. Анализ отдельных разночтений и чтений текста ведется не изолированно в каждом отдельном случае и не для формального восстановления «первоначального», авторского чтения, а послойно в составе контекста с целью изучения истории текста, установления всех этапов его жизни. Изменение одного места текста ставится в связь с одновременными изменениями других. Связь между отдельными изменениями текста устанавливается через их общее объяснение в личности творца текста (автора, соавторов и редакторов) — его идей, убеждений, психологии, художественного вкуса и пр.

При изучении истории текста исследователь должен непременно видеть за пределами самого текста все обусловливающие его изменения причины. История текста связана поэтому с множеством вопросов историко-литературных, исторических, историко-бытовых и пр., и пр. Это не значит, что текстология не имеет собственного объекта изучения. Один и тот же предмет часто является объектом изучения нескольких наук. Важен угол зрения. Текстология изучает текст под углом зрения его истории. Почти все то, что изучает история литературы, используется и в истории текста, но под углом зрения объяснения изменений текста. Так, например, текстолог обязан изучать идейную, эстетическую стороны памятника, но в пределах, которые могут объяснить те или иные изменения текста.

Вот почему изучение истории текста не может подменить собой историко-литературного изучения памятника, и вместе с тем оно требует почти полного привлечения всех историко-литературных данных.

Текстология — наука. Она имеет, как мы уже отметили выше, самостоятельный предмет изучения — историю текста произведений. Если не признавать устаревшим термин «вспомогательные дисциплины» (такого рода признания есть и у нас, и на Западе), то это вспомогательная филологическая дисциплина. Она остается филологической даже тогда, когда изучает историю текстов исторических источников (летописей, копийных книг, революционных прокламаций и пр.).

Текстологию следует отделять от техники издания текстов.[1] Только это отделение способно освободить текстологию от ограничивающих изучение истории текстов технологических рекомендаций. Когда-то «критика текста», занимавшаяся вопросами установления текста для его издания, при наличии многих посмертных текстов спешила перескочить через все этапы истории текста назад к тексту первоначальному, авторскому, а при наличии нескольких прижизненных авторских текстов снова вперед — к тексту последнему из прижизненных. И делалось это путем выбора отдельных «правильных» чтений

[1] Основоположник эмансипированного от задач эдиции изучения истории текста — А. А. Шахматов (см. его работы по позднему русскому летописанию, например: Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938).

или механического применения принципа «последней авторской воли». Это крайне ограничивало изучение. Между «критикой текста», «добывающей» текст для издания, и текстологией, изучающей историю текста, такая же разница, как между агрономией и ботаникой, фармакологией и медициной, искусством черчения и геометрией. Только когда отдельные явления изучаются во всей их полноте, а не замыкаются добыванием сведений для нужд издания, текстология получает свободу развития. Одновременно выигрывает и техника изданий. История текста дает объективный материал для определения приемов публикации, для выбора редакции текста, для создания системы и порядка издания и пр.

Поскольку история каждого текста индивидуальна и неповторима, не может быть механических, полностью однообразных приемов и принципов издания.

Сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать и потом по этому изданию изучать историю текста произведения!

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА

ТЕКСТ

Текст — это языковое выражение замысла его создателя. Этим создателем в литературе нового времени бывает по большей части только автор, но в литературе древней и средневековой функции создателя текста часто распространяются и на переписчика-редактора. Переписчик присоединяет свое творчество текста к творчеству автора. Впрочем, и в литературе нового времени подобное «соавторство» редакторов не редкость. Для понятия текста во всех случаях важно, однако, следующее: он результат сознательного к нему отношения. Бессознательно сделанные ошибки рукописи не входят в понятие текста. Это внетекстовые явления, возникающие помимо воли создателей текста. К тексту не относятся особенности почерка рукописи, графики, типографского шрифта, рисунки автора на полях рукописи и пр. Установить такое разграничение важно, так как понятие «издание текста» не означает, что в тексте воспроизведены ошибки, особенности графики рукописи и пр. Следует различать понятия «издание текста» и «издание рукописи». Факсимильное издание воспроизводит рукопись, но не текст рукописи сам по себе.

Изучая рукопись, текстолог должен установить, что относится в ней к тексту и что является особенностью рукописи. Изучая текст, текстолог обязан обращать внимание на особенности рукописи, но многие из этих особенностей, давая представление о сохранности текста, об этапе истории текста и пр., сами по себе не являются текстом или его частью.

Передавая текст, исследователь должен отделить явления текста от явлений графики, орфографии, от случайных искажений текста и пр. (описок, пропусков, повтор-

ных написаний, непроизвольных вставок). Во многих случаях такое отделение текстовых явлений от внетекстовых требует от текстолога серьезных языковедческих знаний (например, в так называемой малограмотности имеются явления языковые и графические; первые относятся к тексту, вторые — нет, но отделить одни от других нелегко). К явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Для текстолога очень важно найти объективные признаки произведения: те, которые позволили бы считать, что не только им некое текстовое целое признается за отдельное произведение, но, главное, и его творцами — авторами, редакторами, переписчиками и т. д. Таким признаком отдельности произведения служит самостоятельность изменений его текста относительно других соседних в рукописной традиции. Допустим, какое-либо летописное повествование не встречается в отдельном виде и изменяется только вместе со всей летописью. Оно не может быть признано за отдельное произведение, каким бы законченным и «сюжетным» нам ни казался его текст. В новое время с определением произведения дело обстоит проще — его обособленность от остального текста подчеркнута типографскими средствами, стабильным названием и пр. (в текстах древних и средневековых название — самая изменчивая часть произведения).

С текстологической точки зрения произведением следует называть текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое. Я подчеркиваю последнее (изменение как единого целого) как наиболее важное для текстолога, позволяющее считать, что текстовое целое осознавалось как особое произведение в прошлом.

По-видимому, следует признать, что произведение, его единство могут быть выражены с различной степенью интенсивности. Кроме того, произведения различно соприкасаются между собой, входят в соединения, вливаются в состав более крупных произведений. В литературе нового времени вопрос о том, что признавать за произведение, находится в непосредственной связи с вопросом

о композиции сложных произведений, о циклизации (например, у Салтыкова-Щедрина он находится в тесной связи с вопросом о соединении в циклы и распадении этих циклов). В древних текстах может быть отмечен особый «синтаксис» произведений: произведения могут быть «придаточными», составлять «подчинения» и «сочинения», соединяться с помощью «союзов» («союзом» служит мотив, на который они нанизываются) и пр. Степень самостоятельности произведения определяется степенью его изменений как целого. Текстолог не имеет права изучать историю текста произведения, если оно никогда не обладало самостоятельностью развития. Текстолог должен изучать историю текста произведения в составе более крупного произведения, если самостоятельность первого в какой бы то ни было степени ограничена вторым. Текстолог может ограничиться произведением, историей его текста, если оно было полностью независимо от соседних произведений в рукописной традиции.

Понятие «произведение» относительно. Практически оно необходимо историку текста только тогда, когда произведение обладает этой историей текста, в той или иной степени самостоятельной от других текстов, обладает собственной «текстологической судьбой» — своими редакциями, видами текста, изводами, встречается в списках в самостоятельном виде и способно отделяться от своего текстового окружения.

В текстологической практике нередки случаи, когда за одно произведение признавались два различных памятника, объединенные в рукописях, и, обратно, когда за два произведения признавался один памятник, случайно разделенный в рукописях. Часты случаи и признания за цельный памятник случайно сохранившейся части произведения. Во всех этих случаях движение текста надежнее всего определяет произведение; границы произведения — границы его изменяемости.

РУКОПИСЬ, СПИСОК, АВТОГРАФ

В текстологических исследованиях, изучающих произведения нового времени, все рукописи делятся на автографы (рукописи, написанные автором) и списки (рукописи, написанные не автором). В текстологии древних и средневековых текстов принято более сложное различение

рукописей, списков и автографов. Рукопись — это написанный от руки текст (цельный или отрывок) одного произведения или нескольких. Список — переписанное произведение. Одна рукопись может содержать списки различных произведений (например, мы можем сказать: «В такой-то рукописи имеются хорошие списки Повести о начале Москвы и Сказания о князьях владимирских»). И рукопись, и список могут быть автографами, т. е. рукописью и списком, принадлежащими руке самого автора.

Следует различать понятия: «текст рукописи» и «рукопись», «текст списка» и «список», «текст автографа» и «автограф». Впрочем, в ясных случаях очень часто вместо «текст рукописи», «текст списка», «текст автографа» для быстроты речи говорится «рукопись», «список», «автограф».

ЧЕРНОВИК, БЕЛОВИК

Автографы могут быть черновиками, т. е. списками и рукописями, в которых текст имеет несколько слоев, отражая творческий процесс, и беловиками (или чистовыми списками и рукописями), в которых текст переписан «начисто». Но, кроме черновиков и беловиков, могут быть беловые рукописи и списки с последующими изменениями, рукописи и списки, написанные чужой рукой, на которые автором нанесены исправления и изменения (авторизованные рукописи и списки), проверенные автором копии, корректуры набора, печатные экземпляры произведения и пр.

КОПИЯ

Копией признается текст, списанный с оригинала и целиком повторяющий его по тексту. Следовательно, если текст переписан другой графикой (например, скорописью с полуустава и пр.), это не мешает признавать его копией. Копией не мешает признавать и наличие в ней механических, ненамеренных ошибок копииста против оригинала, так как бессознательные ошибки, ошибки, возникшие помимо воли писца и им не замеченные, как мы уже отмечали, к тексту не относятся. Копией может быть и список, в котором не воспроизведены иллюстрации оригинала, либо в котором сделаны иллюстрации, отсутствующие в оригинале.

РЕДАКЦИЯ ТЕКСТА

Редакцией текста называется целенаправленная переработка текста, принадлежащая автору или какому-либо другому лицу. Целью переработки может быть изменение идейного содержания, художественной формы, стиля, полноты памятника, устранение из него тех или иных фактических данных или изменение их. Целью переработки памятника могут быть приспособление памятника к тому или иному их употреблению (например, приспособление к требованиям журнала, цензуры и пр.), изменение жанра памятника, изменение идейного содержания, приспособление памятника для детского чтения и пр. Если переработка явилась результатом нецеленаправленных изменений (например, в результате утраты части текста или постепенного изменения языка памятника в процессе длительной переписки его рядом переписчиков в определенной среде), — говорить о новой редакции памятника нельзя.

Количественные показатели изменений текста (обилие разночтений) не всегда являются показателями появления новой редакции. В памятнике, например, может быть утрачена целая половина текста. Оставшаяся половина может самостоятельно переписываться или печататься, но до той поры пока автор, редактор или переписчик не захотят придать ей законченность как цельному произведению и соответственно доработать текст, — говорить о новой редакции произведения нельзя; перед нами просто дефектный текст прежней редакции.

Вместе с тем имеются случаи, когда текст изменен совсем незначительно в количественном отношении, но существенно для его смысла: в этом случае перед нами новая редакция.

В иных случаях можно выделить редакции идеологические и редакции стилистические, но по большей части редакции отвечают сложным, «комплексным» замыслам их составителей.

В тех случаях, когда редакция подчиняется одной задаче или группе задач, объединяемых какой-либо идеей, — редакции следует называть по этому их основному признаку (например: Нестяжательская редакция, Демократическая редакция). Если редакция произведения отражает интересы определенной среды, в которой она воз-

никла, название дается по этой среде (Старообрядческая редакция, Стрелецкая). Имеются редакции, названные по времени и месту своего возникновения (Хронограф в редакции 1617 г., Лицейская редакция лицейских стихотворений Пушкина). Если редакция принадлежит не автору произведения, а другому лицу, — лучше всего ее называть по фамилии составителя («Житие Александра Невского» в редакции Ионы Думина, стихотворение Пушкина «Памятник» в редакции Жуковского, стихи Фета в редакции И. С. Тургенева). Если редакция составлена для включения в более широкое произведение, можно назвать ее по этому последнему (ср. многочисленные хронографические, летописные, проложные, минейные редакции различных произведений). Иногда редакция называется по цели, для которой она выполнялась (многочисленные сценические редакции пьес, Театральная редакция «Дмитрия Самозванца» Островского).

Только в тех случаях, когда задачи и обстоятельства составления редакции сложны или точно не определимы, следует прибегать к количественным или порядковым их наименованиям (Пространная редакция, Краткая, Сокращенная, Первая, Вторая, Последняя и пр.). Такого рода названия могут являться показателями некоторой незавершенности работы по установлению истории текста. О незавершенности текстологической работы могут (но не обязательно) свидетельствовать и названия редакции по списку, в котором она представлена (Коншинская редакция «Домостроя», Жандровская редакция «Горя от ума») или по собранию, в котором рукопись редакции находится (Музейная редакция, Архивская редакция).

Впрочем, в тех случаях, когда мотивы составления новой редакции произведения очень сложны и проделана многосторонняя переработка текста (особенно часты такие случаи в новой литературе), порядковые наименования редакций являются единственно возможными.

ИЗВОД

Извод — это тот или иной вид текста памятника, который возник стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки памятника в определенной среде, местности, стране. В таких случаях в тексте неизбежно накапливаются местные черты языка или особенности

языка, свойственные определенной среде населения. Понятие извода имеет в виду главным образом особенности языка той или иной группы списков (например, извод болгарский, сербский, новгородский).

Не во всех случаях легко решить — редакция перед нами или извод. Иногда трудно определить — сознательные перед нами изменения текста или бессознательные. В таких случаях следует иметь в виду, что языковые изменения говорят скорее за извод, стилистические изменения — за стилистическую редакцию. Изменения идейные, хотя к бессознательным изменениям текста не относятся, могут все же явиться результатом целенаправленных наслоений при переписке в определенной идейной среде.

В применении к новой литературе понятие «извод» не употребляется.

ВИД ТЕКСТА, ВАРИАНТ

Если ряд списков имеет общие изменения текста, которые нельзя отнести ни за счет редакторской работы, ни за счет переписки памятника в однородной среде, но которые произошли из-за близости списков по происхождению (ряд общих ошибок и поновлений, искажений и незначительных изменений), то можно говорить об особом виде памятника или варианте его текста.

Особое значение это понятие «вариант» имеет в фольклористике. Вариантом в фольклористике принято называть тот вид произведения, который оно имеет в каждый конкретный момент устной передачи. Текст в фольклоре, как утверждают фольклористы, это словесное воплощение варианта. Отсюда то огромное значение, которое придается в современной фольклористике изучению вариантов и самого явления «вариантивности». Разумеется, утверждают фольклористы, варьирование не обязательно в каждой данной устной передаче: могут встретиться исполнения, дающие сходные тексты и тексты, буквально совпадающие.

В текстологии древней русской литературы термин «вариант» иногда применялся и для передачи понятия «разночтение» (см. ниже), однако такое двойное значение термина «вариант» приводило к недоразумениям. Сейчас в изучении древней русской литературы термины «вариант» и «разночтение» строго различаются.

В текстологии новой литературы термин «вариант» употребляется и в значении «разночтения». Иногда текстологи, работающие по новой литературе, определяют вариант как отдельные изменения, внесенные в текст самим автором, а разночтения — как изменения не авторского происхождения (в списках и печатных текстах). Вряд ли это удобно при наличии не отмененного этим новым различием терминов «вариант» и «разночтение» старого значения слова «вариант» — особый вид текста произведения.

АРХЕТИП

Архетипом называется тот ближайший текст, от которого пошли остальные дошедшие до нас тексты. Может

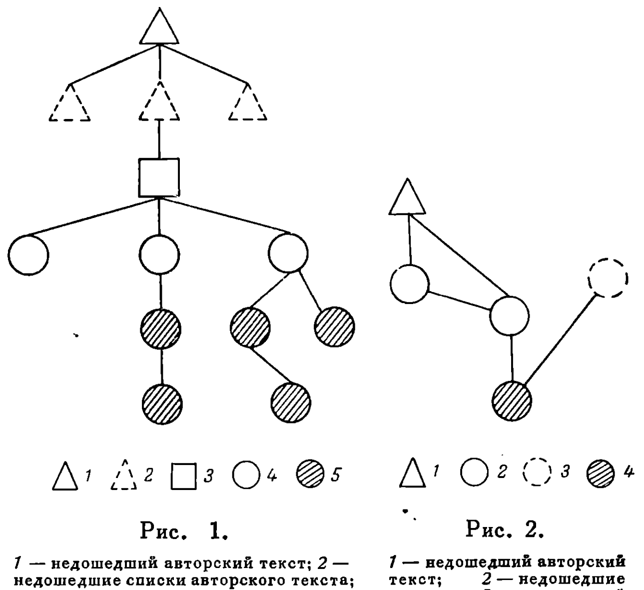

Рис. 1.

1 — недошедший авторский текст; *2* — недошедшие списки авторского текста; *3* — недошедший архетип; *4* — недошедшие списки; *5* — сохранившиеся списки

Рис. 2.

1 — недошедший авторский текст; *2* — недошедшие списки; *3* — недошедший дополнительный источник; *4* — сохранившийся список.

быть архетип произведения (от него пошли все сохранившиеся до нас тексты изучаемого произведения); может быть архетип редакции произведения (от него пошли все тексты изучаемой редакции); может быть архетип группы

списков и пр. Архетип произведения — не обязательно авторский текст: все дошедшие до нас списки могут восходить как к своему общему источнику к тексту, уже в известной мере измененному, — например, к случайно сохранившейся позднейшей переработке. Так же точно архетип редакции — не обязательно текст, составленный редактором. Поэтому-то мы говорим, что архетип — это ближайший текст, к которому восходят все остальные. Так, например, дошедшие до нас греческие тексты могут восходить не к авторскому тексту, а, допустим, к александрийскому или византийскому тексту, уже достаточно измененному (см. рис. 1).

Далеко не во всех случаях мы можем предполагать существование архетипа. Если представлять себе, что каждый переписчик текста переписывал только один текст какого-то списка, то восхождение всех дошедших до нас списков к общему архетипу обязательно, но если писец соединял тексты (два или более текста), то понятие «архетип» вообще не применимо (см. рис. 2). Вот почему некоторые текстологи, имевшие дело с особенно сложными случаями истории текста, вообще не пользовались понятием «архетип» (А. А. Шахматов). Не пользуются понятием «архетип» и текстологи, занимающиеся изучением литературы нового времени. Возможно, что это понятие со временем вообще отомрет: оно слишком тесно связано со старой методикой критики текста древних и средневековых произведений.

ПРОТОГРАФ

Протограф — текст, к которому непосредственно или через посредство немногих списков восходит изучаемый текст. Это понятие часто смешивают с понятием «архетип», однако понятие «протограф» более широкое и более гибкое. Протографом можно назвать оригинал, который переписывал писец. Но отношения списка к протографу не обязательно следует представлять себе как отношения копии к оригиналу. Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при условии, что дошедший и промежуточный списки не подвергли свой протограф большой переработке и изменению. Список может восходить к двум или нескольким протографам, если писец имел перед собой не один текст.

Пользуясь текстологическими трудами, приходится каждый раз считаться с тем, как данный исследователь понимает термины «протограф» и «архетип».

РАЗНОЧТЕНИЕ

Термин «разночтение» часто в текстологических работах употребляют альтернативно с термином «вариант». Чтобы не смешивать термины «вариант» и «разночтение», удобнее всего отдельные различия в разных чтениях списков называть «разночтениями», а «вариантами» называть отдельные виды текста в целом, не подпадающие под понятия «редакции» и «извода» (см. выше).

ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА

Обычно задачи прочтения текста для последующего изучения и передачи текста для издания объединяются. В свете общего текстологического принципа «сперва изучать, а потом издать» эти две задачи должны быть признаны различными — и в чисто практическом отношении (в непосредственной работе текстолога), и в теоретическом.

Исправления или выбор текста не могут быть сделаны, пока не изучено «происхождение» искажения, изменения и пр., пока не изучена история текста как целого и в своих отдельных частях.

Для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. Это особая и чрезвычайно важная задача, в первую очередь стоящая перед исследователем истории текста.

Прежде всего надо прочесть текст палеографически, т. е. правильно определить все буквы и знаки препинания. В простых случаях это не составляет особой задачи, но в черновиках, в текстах рукописных и скорописных в особенности, в местах испорченных — эта задача бывает и сложна, и ответственна.

В сложных случаях можно воспользоваться несколькими приемами. Во-первых, текстологу следует составить таблицу написаний (начертаний) отдельных букв в изучаемой рукописи. Эта таблица, составленная на основании «легких» случаев, поможет прочесть отдельные буквы в затруднительных положениях.

Во-вторых, текстолог должен постоянно пользоваться помощью контекста: для того чтобы прочесть неразборчивое место, необходимо тщательно вдуматься в смысл всего текста; идти от общего к частному и, прочтя это частное место, вновь возвращаться к смыслу целого.

В-третьих, если и первые два приема прочтения трудных мест не помогают, а рукопись в данном месте испор-

чена (загрязнена, стерта, переправлена, зачеркнута, вымарана и пр.), следует обращаться к помощи фотоанализа, в частности к люминисцентной фотографии, к радиографии, к рентгеноскопии и пр. (способы выявления текста выбираются специалистами — реставраторами и консерваторами рукописей).

Обязательное условие правильного прочтения текста — хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи. Кроме того, если памятник литературный — надо знать литературные стили эпохи, а если это исторический документ — также специальные термины и формулы, употреблявшиеся в эпоху, к которой принадлежит документ.

Сложные тексты должны быть переписаны исследователем. Переписывая текст, необходимо точно сохранять все знаковые особенности текста. Знаковое упрощение текста для издания его средствами современного типографского набора — особый этап работы над текстом, к которому мы еще вернемся в дальнейшем.

Два исключения из этого требования: в предварительно прочтенном тексте должна быть сделана разбивка на слова и расставлены современные знаки препинания.

Действительно, недостаточно прочесть текст палеографически, необходимо еще понять его смысл текстологически. Первый этап этого текстологического понимания — правильная разбивка на слова (если текст в рукописи написан «связно» — без разбивки на слова) и правильная расстановка в тексте современных знаков препинания (если система знаков препинания резко отличается в нем от современной). Второй этап текстологического понимания текста связан со всей дальнейшей работой по выяснению истории текста: это выявление в нем ошибок, механических и сознательных изменений, понимание текста с точки зрения истории его возникновения.

Этот второй этап требует постоянного возвращения текстолога в процессе его работы по выяснению истории текста к его прочтению. Палеографическое прочтение ру-

кописи или печатного текста не может быть отделено от текстологического, связанного с пониманием смысла текста, а это последнее не может быть строго отделено от истории текста, дающей возможность понять описки, опечатки, искажения и «улучшения» текста и пр. Без понимания происхождения всех этих изменений текста мы не можем до конца понять и смысл текста, т. е. текстологически его прочесть. Поэтому изучение всей истории текста произведения в трудных случаях постоянно возвращает нас к пересмотру правильности первого этапа изучения текста — его палеографическому и предварительному текстологическому прочтению.

Такое текстологическое прочтение текста называется его установлением. Но установление текста не есть еще его передача для издания средствами современного набора — повторяем, это задача особая, которая, по нашему убеждению, выходит за пределы текстологии и относится к области применения выводов текстологического исследования в эдиционной технике (см. «Приложение», стр. 73—78).

Итак, текстологическое прочтение текста с попыткой исторического его осмысления прямо противоположно тому «обычному» читательскому прочтению, на которое рассчитывает автор. С этой точки зрения этот первый этап работы текстолога есть и первый этап нарушения авторской воли.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Когда тексты различных списков установлены, следует приступить к выяснению взаимоотношения их. Эти взаимоотношения под влиянием потребностей публикации часто устанавливались по формальным признакам, далеким от их реальных, исторических взаимозависимостей. Тексты могли делиться и группироваться на «исправные» и «неисправные», «полные» и «неполные», содержащие те или иные искажения и не содержащие их. Затем для издания выбирался список наиболее «исправный» или наиболее «полный» и т. д.

В настоящее время признается необходимым предварительно изучить историю текста произведения. История текста изучается независимо от задач последующей публикации. История текста может быть использована не только для публикации: для литературоведческого анализа, для источниковедческого анализа у историков, для реконструкции творческого процесса и т. п.

История текста устанавливается на основании прямых и косвенных данных. Прямые данные, позволяющие разобраться в последовательности текста, — даты на рукописях, подписи, другие указания авторов и переписчиков на самих рукописях, указания в письмах, дневниках, мемуарах. Если изучается история печатных текстов — указания выходных данных изданий, даты цензурных разрешений, документы издательские, типографские, цензурные, редакционные и т. д. Всеми этими данными широко пользуются текстологи, изучающие тексты нового времени. Использование этих данных не требует, по-видимому, построения особой теории. Важно уметь разыскивать эти данные, но вопросами техники такого рода разысканий занимаются археография, теория библиографии и другие литературоведческие и исторические дисциплины.

Гораздо сложнее установить историю текста при отсутствии такого рода сведений — по косвенным данным: на основе анализа разночтений, ошибок, изучения сознательных изменений текста, изучения самих рукописей, установления конъектур, определения вставок или пропусков, глосс и интерполяций, копии и оригинала, подражания и образца, установления источников перевода и пр.

Естественно, что изучение истории текста на основании косвенных данных наиболее развито в той области, где прямые данные редкость: в текстологии, занимающейся изучением древних текстов. Поэтому в первую очередь будем в дальнейшем основываться на опыте изучения древней литературы. Однако опыт этот может быть полезен и в изучении новых текстов. Прямые данные по истории текста не исключают необходимости использовать косвенные данные. Последние необходимы не только для проверки прямых данных (последние могут быть ошибочными), но и для уточнения истории текста, восстанавливаемой на основе прямых данных, для различного рода детализации этой истории, для объяснения истории текста и ее конкретизации. Текстологи, занимающиеся изучением новых текстов, сделали очень многое в методике использования косвенных данных для восстановления истории текста. Эти методические приемы будут нами в дальнейшем также приняты во внимание, насколько это позволяет объем работы.

АНАЛИЗ РАЗНОЧТЕНИЙ

Цель анализа разночтений, как и всех остальных изысканий текстолога, — установление истории текста. Анализ разночтений не может поэтому ограничиваться задачами восстановления «правильных» или «первоначальных» текстов, текстов «последних» — якобы скрепленных авторской волей и пр. Для текстолога важно восстановить и все промежуточные этапы истории текста, выяснить их происхождение, намерения их создателей.

Разночтения каждого этапа истории текста связаны между собой личностью их творца. В них сказывается его индивидуальная манера работы, его психофизиологические особенности, его литературные вкусы и его идеология. Следовательно, разночтения должны сопо-

ставляться и объясняться в этих сопоставлениях. Они должны изучаться послойно.

Анализ разночтений начинается обычно с изучения отдельных разночтений, продолжается исследованием и характеристикой всех разночтений данного списка, переходит затем к суммарным, обобщающим рассмотрениям разночтений всех списков для установления их взаимоотношения и происхождения. Разночтения распределяются исторически по этапам развития текста (когда это возможно). Проверка данных, полученных на основании рассмотрения разночтений, производится в связи с изучением рукописей (см. ниже, стр. 37), в связи с изучением состава произведений и в связи с изучением включающих изучаемое произведение памятников (сборников, журналов, собраний, сводов произведений и пр.), произведений, повлиявших и испытавших влияние изучаемого памятника, биографических, исторических и историко-литературных данных (см. ниже, стр. 61—62).

Разночтения возникают или в результате ошибок автора, переписчика, наборщика, корректора, редактора или в результате изменений текста, которым они же подвергают текст. Ошибки бессознательны; изменения текста делаются сознательно. В этом их различие, которое прежде всего должно быть установлено текстологом. Это различие имеет и чисто практическое значение, так как бессознательные ошибки не принадлежат тексту (см. выше определение того, что такое текст, стр. 9) и должны быть при издании из текста устранены (см. ниже, стр. 74). В сумме они могут дать важные указания для классификации текста, но редко — больше.

Сознательные изменения текста, объясненные, сопоставленные между собой и определенные в своей последовательности, указывают по преимуществу на этапы в истории текста, на его редакции и виды. В целом они составляют творческую историю текста.

Во всех случаях деления разночтений по происхождению на ошибки и на изменения текста следует исходить из следующего правила: бессознательным изменение текста признается только тогда, когда исчерпаны все возможности объяснить изменение в тексте сознательными, целенаправленными намерениями автора, редактора или переписчика. Ошибкой изменение текста признается только тогда, когда нет никаких веских оснований при-

знать это изменение намеренной правкой одного из творцов текста. В этом смысле мы можем говорить о примате для текстолога сознательных изменений перед бессознательными.

Если перед нами бессознательная ошибка, то и ее следует объяснить — выяснить ее происхождение. Установление происхождения ошибки дает важные показания для истории текста. При этом надо стремиться дать характеристику всей суммы ошибок в их целом: каждому писцу, редактору, корректору, автору свойственны те или иные типы ошибок (находящиеся в связи с психофизиологическими особенностями переписчика, редактора, корректора, автора и т. п.). Объяснения берутся из всех областей. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, физиологическими, палеографическими, языковедческими, они могут быть даны с привлечением сведений по технике письма, книгопечатания и т. д. В текстологии имеет первостепенное значение широта комбинационного поля творческого воображения текстолога: чем шире привлекаются данные из различных сфер науки, тем убедительнее объяснения. При этом важны не столько отдельные факты объяснения изменений текста, сколько их сочетания, обнаружение известной систематичности изменений, их послойный анализ и послойная синтетическая характеристика.

Специфические ошибки могут быть у автора, у переписчика, наборщика, корректора.

Каждая ошибка или каждое изменение текста должно быть объяснено. Нет текстологического факта вне его объяснения.

ОШИБКИ ПЕРЕПИСКИ ОТ РУКИ

Прежде всего следует остановиться на ошибках переписчика: бессознательные ошибки переписчика в известной мере типичны для других «творцов текста».

Понятие переписчика в какой-то мере условно. Им в известные моменты может быть и сам автор, набело переписывающий свою рукопись, машинистка (на специфических ошибках машинописной переписки мы, впрочем, остановимся особо), наборщик и пр.

Процесс переписки слагается из четырех последовательных действий: 1) прочтения переписываемого текста

переписчиком, 2) запоминания переписываемого отрывка, 3) внутреннего диктанта и 4) самого письма.

Каждому из этих действий переписчика соответствуют свои типы ошибок.

Следует иметь в виду, что происхождение ошибок переписки может быть часто сложным: некоторые возникают не в результате однократной переписки текста, а являются плодом ряда наслоений при неоднократной переписке текста. В самом деле, описки, пропуски, повторения в последующей переписке могут быть затем правильно и неправильно осмыслены. Этим крайне осложняется изучение истории текста.

Главное затруднение для текстолога при изучении работы переписчика — «текстологические» наклонности последнего.

Ошибки прочтения. Переписчик может быть плохо знаком с характером почерка оригинала, может не разобрать вышедшие из употребления буквы. Ошибка переписчика может быть вызвана внешним сходством букв, которые в слове меняют смысл. Хорошо грамотный читатель обычно читает не по буквам, а схватывая сразу общий «рисунок» слова. При этом наиболее важные буквы для такого узнавания «рисунка» слова — начальные и конечные, буквы, рисунок которых выступает за строку. Большое значение имеет и размер слова. Поэтому ошибки прочтения чаще всего располагаются внутри слова (поминать — понимать, запутан — запуган, исключение — излечение). В длинных словах ошибки прочтения чаще, чем в коротких. Особенно часты неверные прочтения форм слова — их суффиксов, окончаний и пр. (ошибаетесь — ошибетесь, прочитать — прочитывать). Как правило, переписчик принимает трудное, малознакомое, редкое, устарелое слово за легкое, знакомое, часто употребляющееся, новое. Поэтому, восстанавливая правильное чтение, текстолог обычно идет от легкого чтения к трудному, от знакомого для писца к малознакомому ему или незнакомому, от обычного к необычному.

В старых почерках (от XI и до XVIII в. включительно) переписчик может пропустить или неправильно прочесть выносную букву (в выносных слогах часто пропускаются «ъ» и «и»), неточно прочесть слово под титлом. Часто переписчик неправильно делит текст на слова.

В новых почерках специфические трудности прочтения гораздо обильнее, чем в старых почерках. Рассматривая вопрос о трудности прочтения почерков, не вдаваясь в частности, следует отметить, что почерки тем труднее для прочтения, чем они ближе к нашему времени. Наиболее трудный и малоразборчивый почерк — современная скоропись.

Ошибаясь, переписчик «считается» с контекстом. Именно возможности контекста провоцируют ошибку, «подсказывают» привычное словосочетание, знакомое слово.

Типичная ошибка чтения — «прыжок от сходного к сходному». В результате пропуск слова или ряда слов и даже строк (гаплография), находящихся между одинаковыми или очень сходными словами. Реже встречается повторение слов или одного и того же куска текста (диттография). Повторения встречаются менее часто, так как их легче заметить в собственном тексте писцу. Кроме того, повторения, в отличие от пропусков, легко устранимы в последующей переписке.

Ошибки прочтения часто связаны с состоянием оригинала (переписчик может вставку на полях внести не в нужное место, может замечание автора, редактора или корректора вписать в текст, вставить в текст пояснение неясного места, написанное кем-либо из читателей, перепутать страницу, переписать страницу в перевернутом виде (сперва оборот страницы, а затем лицевую сторону) и т. д. (см. ниже, стр. 43—44).

Ошибки запоминания. Характер запоминания прочитанного текста будет различный в зависимости от того, прочитывает ли писец длинный текст прежде, чем начать его писать, или он запоминает его короткими отрывками. Ошибки запоминания чаще всего встречаются у тех переписчиков, которые предпочитают запоминать большие куски текста и не обладают достаточно хорошей памятью. Переписчик очень часто меняет формы глаголов (приблизился — приближался; сказал — сказав). При запоминании текста писец может пропустить второстепенное, сделать перестановки слов, добавить, переставить или опустить союзы (особенно союз «и»), вспомогательные глаголы, местоимения (особенно местоимение «я»), сделать синонимические подмены, модернизировать старый текст и т. п. Разумеется, все эти действия могут

быть и сознательными, вызванными стилистическими или какими-либо другими соображениями — в таком случае они должны образовывать систему.

К ошибкам запоминания следует отнести и добавление трафаретных стилистических формул, твердых сочетаний. По большей части эти добавления вызываются наличием в переписываемом тексте каких-либо слов-компонентов этих твердых словосочетаний и трафаретных стилистических формул. Очень часто твердые словосочетания «доводятся» переписчиком до своей полной формы («несколько лет тому назад» вм. «несколько лет назад»). Иногда оборот мало привычный заменяется сходным — привычным.

Бывают списки произведений, в которых текст воспроизведен от начала и до конца по памяти (особенно часто при записи стихов). В этих случаях ошибки запоминания особенно обильны.

Ошибки внутреннего диктанта. Переписывая, писец внутренне произносит то, что он пишет. Этим путем произношение писца проникает в переписываемый текст. Отсюда глухие вместо звонких согласных в конце слов, ассимиляция и диссимиляция звуков, модернизация написания, проникновение в текст диалектных форм и пр. Ассимиляции и диссимиляции разделяются на прогрессивные и регрессивные. Прогрессивные ассимиляции и диссимиляции — это уподобление или различение буквы от стоящей в следующем слоге («побобие» вм. «подобие»). Регрессивные ассимиляции и диссимиляции — это уподобление или различение буквы от буквы, стоящей в предшествующем слоге или слове («разручает» вм. «разлучает»).

В тех редких случаях, когда писец пишет под диктовку, ошибки внутреннего диктанта совпадают с ошибками внешнего диктанта: с ошибками прочтения и ошибками слуха. О последних можно заметить: нужно слышать, чтобы понимать, и понимать, чтобы слышать.

Ошибки письма в целом (если не считать возрастных явлений в письме престарелого писца или патологических отклонений) встречаются реже, чем ошибки двух предшествующих категорий. К ошибкам письма относятся: перестановка слогов и букв, путаница в одинаковых буквах, пропуск букв и слогов, повторение букв и слогов (ср. сходное в ошибках внутреннего диктанта, где

эти пропуски, перестановки и повторения обычно объединяют большее количество букв, захватывая целые слова и сочетания слов), орфографические упрощения и пр. Типичная ошибка письма — слияние слогов и пропуск слогов в результате соединения двух соседних одинаковых слогов или букв («зане огражен» вм. «зане не огражен»; «стрежаще е гоголем» вм. «стрежаше его гоголем»).

Переосмысления находятся на грани бессознательных ошибок и сознательных изменений текста. Они вызваны по большей части невольным стремлением писца осмыслить непонятные для него места текста (например, «на стогнах» — «на стенах»; «написан лазорем» — «написан Лазарем»). Возникают они по большей части на первой стадии переписки — при прочтении текста оригинала. Это наиболее коварный тип ошибок и наиболее частый. Он коварен потому, что текстологу трудно заметить эти ошибки, а заметив их, текстолог не всегда точно может определить — произошло ли это осмысление или переосмысление текста в результате сознательного стремления изменить текст, сделать его более понятным или это невольная ошибка. Только сличение разных списков позволяет заметить ошибку переосмысления или осмысления и выяснить ее происхождение. И здесь следует иметь в виду, что писец, как правило, стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому. Как правило (но нет правил без исключений), первоначальным чтением будет трудное, незнакомое и непривычное писцу, архаичное, хотя иногда переписчик нарочито архаизирует текст: тогда архаизация встречается во многих местах текста и составляет систему.

Осмысления непонятного для переписчика текста или ошибок оригинала очень запутывают изучение истории текста в тех случаях, когда текстолог классифицирует дошедшие списки по их ошибкам. Дело в том, что, осмысляя испорченный текст (а осмысления текста, как мы уже сказали, возникают часто на местах механических ошибок в оригинале, с которого переписывает писец), писец очень часто исправляет верно — так, как было в первоначальном тексте. Такое вновь возникшее верное чтение крайне осложняет работу текстолога по установлению генеалогии списков (см. ниже). Особенно запутывается генеалогия списков, сделанная на основании «общих ошибок» (см. ниже, стр. 45), если таких верных и удачных

исправлений писца в тексте несколько. Грамотный и сообразительный писец становится, таким образом, врагом текстолога.

Не лучше обстоит дело и тогда, когда писец, исправляющий текст, делает это плохо. Плохое исправление текста ведет к дальнейшим его исправлениям. Ошибка наслаивается на ошибку и затрудняет изучение ее происхождения.

По осмыслениям текста можно составить себе иногда довольно точное представление об осведомленности писца в тех или иных явлениях действительности, о его исторических представлениях, о круге его начитанности и т. п. В ошибках осмысления текстолог (как и в других случаях) должен видеть за текстом списка его переписчика. С точки зрения текстолога хороший писец тот, который точно и «бессмысленно» копирует оригинал со всеми его ошибками.

Нет списка без ошибок. Ошибок может быть больше или меньше. Среди ошибок могут преобладать ошибки то одного, то другого типа. Один писец по преимуществу пропускает, когда запоминает текст, другой плохо читает. Есть писцы, делающие специфические диалектные ошибки при самодиктанте. Есть писцы трудолюбивые, ленивые, легко устающие, точные и «творческие». Одни любят графическую сложность, другие — простоту. Есть писцы, однообразно повторяющие одну и ту же ошибку. По своему отношению к тексту писцы также разнообразны, как и в своем почерке. Текстологу очень важно изучить систему ошибок того или иного списка и увидеть за этой системой индивидуальность писца, различив то, что принадлежит последнему писцу, от того, что перешло в список от его предшественников.

Увидеть за рукописью ее создателей, в том числе и простых переписчиков, — значит понять ее текст.

Текст не существует сам по себе. Его история есть история его созидания и изменения людьми.

ОШИБКИ ПЕРЕПИСКИ НА МАШИНКЕ

При переписке на машинке происходят все те ошибки, что и при переписке от руки, но на последней стадии психофизического процесса переписки встречаются ошибки специфические. Специфические ошибки переписки

на машинке возникают от расположения клавиш — рука может ударить не по той клавише, попасть на соседнюю (чаще всего в середине клавиатуры). Весьма часты при быстром переписывании на машинке перемены соседних букв местами, уход концевых букв строки за пределы листа и пр. Иногда в машинке не хватает некоторых букв и знаков, и переписывающий забывает потом поставить их от руки (например, отсутствует вопросительный знак; в машинках, «исправленных» на новую орфографию в первые годы введения новой орфографии, отсутствовал твердый знак и пр.). Особенно часты на машинке осмысления и переосмысления текста вследствие воздействия подсознания (машинистка пишет «духи» вм. «души», «оплата» вм. «отплата» и пр.).

Процесс переписки на машинке более быстрый, чем при письме, поэтому и ошибок здесь больше.

ОШИБКИ НАБОРА

При наборе встречаются все ошибки прочтения, запоминания и внутреннего диктанта, что и при переписке. Иной характер носит последняя категория ошибок — ошибки воспроизведения текста: ошибки набора отличаются от ошибок письма. Ошибки набора связаны с техникой набора. Набор может быть ручным и машинным. В ручном наборе многие ошибки происходят из-за особенностей расположения букв (свинцовых литер) в наборной кассе. Рука наборщика, тянущаяся за буквой, может попасть в соседнее отделение кассы и вынуть и вставить в верстатку не ту букву, которую нужно, а близкую к ней по расположению в наборной кассе. Наборная касса может быть засорена «чужими» буквами (после того как книга напечатана, ручной набор ее разбирается по буквам и раскладывается по отделениям наборной кассы, при этом внешне сходные буквы [1] или соседние по отделениям в кассе могут попасть не в свое отделение). В линотипном наборе при переливке строки во время правки корректуры линотипист может сделать новую ошибку во вновь отлитой строке. При исправлении руч-

[1] Следует иметь в виду, что в наборном тексте внешне похожие буквы другие, чем в письме (например, буквы «ш» и «т» схожи в рукописи, но не схожи в типографских шрифтах и т. п.).

ного набора наборщик может исправить соседнее слово, сходное с тем, которое указано в корректуре. Исправляя набор, линотипист может перелить другую строку, вставить вновь отлитую строку не на место (особенно опасно, если при такого рода ошибках получается видимость смысла).

В ручном наборе часто осыпаются края наборной полосы и особенно углы. Восстанавливая пострадавший набор, наборщик может неправильно набрать текст. Легко могут остаться незамеченными перемены осыпавшихся конечных букв или знаков в соседних строках.

Проникшие в печатный текст ошибки особенно опасны потому, что печатный текст обладает для читателя некоей «авторитетностью».

ОШИБКИ КОРРЕКТУРЫ

Чаще всего ошибки корректуры происходят потому, что авторы или корректор в отдельных случаях для быстроты не считывают набор с оригиналом, а читают «по смыслу» или считывают невнимательно. Поэтому в корректуру обильно проникают ошибки осмысления непонятого корректором текста, модернизация орфографии и языка, подведение текста под современные или привычные корректору нормы. Страдает текст и от внутреннего стремления вычитчика рукописи и корректора устранить в тексте разнобой написаний («собою» и «собой», «зал» и «зала» и пр.).

Корректор и технический редактор часто меняют в тексте абзацы под влиянием технической необходимости сжать или расширить набор. При этом очень часто, чтобы «выгнать» (прибавить) новую строку или «вогнать» (убрать) лишнюю, в тексте прибавляются или убираются отдельные слова и целые фразы, которые кажутся корректору или техническому редактору не имеющими особого значения.

Но наиболее часты ошибки при новом наборе вставок или исправлениях плохо набранных мест. В этих случаях автор и корректор делят вину с наборщиком: автор и корректор неясно исправили, а наборщик неправильно набрал. Корректорские вставки и исправления набираются, как правило, гораздо хуже, чем основной текст. Одинаковые корректурные значки на одной и той же странице

могут привести к ложным исправлениям не в том слове. Источником ошибок могут быть неряшливые перечеркивания, надписывания, вставки на полях, подклейки и пр.

Чтобы определять происхождение ошибок в печатном тексте, текстолог должен быть хорошо знаком с техникой набора (ручного и машинного), техникой корректуры и знать в основном весь технологический процесс создания печатного текста.

ОШИБКИ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Автор может сделать все те ошибки, которые делает и переписчик, если он переписывает собственный текст. Если автор хорошо знает свой текст, он может в переписанном другими оригинале легко пропустить собственную ошибку, ошибку корректора или ошибку набора, приняв ошибочное чтение за нормальное. Автор может санкционировать ошибку, подписав плохо правленный оригинал или плохо правленную корректуру к печати.

В собственном тексте автор может неправильно датировать то или иное историческое событие, неправильно назвать то или иное историческое или литературное лицо, неточно выдержать диалектные формы в речи действующего лица и пр., но эти ошибки автора в художественном произведении, если они связаны с художественной тканью произведения, не должны быть исправляемы. Таких ошибок, особенно в исторической и научно-фантастической беллетристике может быть бесконечно много и на этих ошибках может даже строиться сюжет (сколько пришлось бы внести исправлений в роман Жюля Верна «Из пушки на луну и обратно» с точки зрения современной космонавтики!).

Многие ошибки, безусловно подлежащие исправлению, если бы они принадлежали переписчику или наборщику, не должны, однако, исправляться, если они принадлежат автору.

Категория авторских ошибок иная, чем категория ошибок переписчика, корректора, редактора или наборщика. Она уже по своему объему: степень нашего доверия к сознательности авторского творчества значительно больше, чем степень доверия к сознательности редактора, переписчика, наборщика и пр. Автору текстолог «прощает» многое, что не простил бы другим.

Вопрос об авторских ошибках, отличиях в их оценке от аналогичных ошибок, сделанных в тексте не авторами, о допустимости их исправления, к сожалению, в текстологической литературе пока внимательно не изучался.

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТЕКСТА

Изменения сознательные гораздо показательнее для истории текста произведения, чем бессознательные ошибки или полусознательные ошибки осмысления. Прежде всего они разнообразнее, «индивидуальнее» и не могут поэтому механически повторяться различными людьми или исправляться в последующих этапах развития текста. Они более устойчивы. Затем, они тесно связаны с психологией, идеологией, особенностями умственного развития, эстетическими убеждениями их творцов и через последних со своей эпохой. Сознательная правка текста совершается в большинстве случаев на «ответственных» этапах развития текста: она по преимуществу свидетельствует о существовании редакции.

Анализ сознательных изменений текста основывается главным образом на попытке текстолога конкретно «вообразить» работу автора, переделывателя текста — редактора или переписчика. Устанавливая первичность того или иного чтения, текстолог должен объяснить, при каких обстоятельствах и кем, исходя из каких побуждений был изменен текст. Отдельные изменения текста на том или ином этапе его развития должны быть приведены в связь между собой, и эта связь опять-таки должна быть объяснена личностью, обстоятельствами и намерениями творца данного этапа развития текста.

Сознательные изменения текста очень индивидуальны, и они не могут быть классифицированы так, как мы классифицировали выше ошибки. Тем не менее могут быть выделены несколько правил, облегчающих установление хронологической последовательности отдельных разночтений. При применении этих правил необходимо рекомендовать максимальную осторожность. Наиболее опасны ошибки гиперкритики. Ошибки гиперкритики, присущие многим текстологам, особенно начинающим, выражаются в чрезмерном преувеличении значения отдель-

ных правил, в их механическом применении или в обнаружении нарушений правил там, где эти нарушения фактически отсутствуют.

Правила, облегчающие установление хронологической последовательности отдельных разночтений, следующие.

1. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее трудное чтение (lectio difficilior) обычно бывает более старшим, чем чтение более легкое (lectio facilior). Переписчики, наборщики, редакторы, как правило, «облегчают» текст, делают понятным непонятное для себя, модернизуют текст. Однако следует иметь в виду, что то чтение, которое кажется наиболее «легким» для нас, было не всегда самым легким для старых создателей текста. Кроме того, в силу общих соображений автор, редактор, переписчик и пр. могли сознательно усложнять текст. Усложнение текста могло применяться как стилистический прием, в целях «уточнения» текста, для сокрытия его смысла от цензуры или «начальства» (как правило, отличавшегося меньшей интеллигентностью, чем обычные читатели) и пр. В случае применения усложнения текста как приема — это усложнение составляет систему, более или менее выдержанную.

2. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым бывает то чтение, в котором обнаруживается идейное, стилистическое или языковое несоответствие с остальным текстом. Это правило также не без исключений. Не обязательно думать, что автор или редактор текста не могли допустить несоответствий всему остальному своему тексту. В этом отношении могут быть выделены несоответствия более показательные и менее показательные.

3. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым признается то чтение, в котором обнаруживается несоответствие эпохе. Например, если в тексте обнаруживается знание фактов, которых не могло быть во времена создания данного текста. В этих случаях следует опасаться приписать эпохе то, что вовсе не является ее особенностью. Так, например, многие исследователи древнерусских памятников исходили из своих неправильных представлений о низком уровне культуры древней Руси, ее знаний, развития в ней грамотности.

4. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым признается то, в котором имеется фактиче-

ская ошибка. Правило это исходит из предположения, что автор создавал свой текст с бо́льшим вниманием к фактической стороне своего произведения, чем редакторы текста при последующей его правке. На этом основании многие текстологи отказывались считать первоначальным текст, где имелись ошибки против Библии или против истории, против географии и пр. Разумеется, здесь также могут быть исключения и за фактическую ошибку следует признавать только ошибку против знаний своей эпохи.

Фактические ошибки только тогда не могут принадлежать автору произведения, когда они находятся во внутреннем противоречии с идеями, духом произведения, знаниями автора, его представлениями и т. д.

Приведенные правила ясно показывают, что решающее значение в расслоении изменений текста по этапам имеет соответствие данного изменения всему тексту произведения, идеям, психологии и художественным приемам автора на том или ином этапе его развития, возможностям эпохе и пр.

5. Из всего вышесказанного вытекает и другой прием установления истории текста: обнаружение в тексте несоответствий последнему тексту. Эти несоответствия могут быть признаками существования более старого слоя. В авторском тексте об отмененном авторском замысле могут свидетельствовать случайно оставшиеся детали этого замысла, имевшие смысл только в нем, отдельные элементы отмененного стиля, грамматические несообразности, объясняемые тем, что старый текст не был полностью изменен, и пр.

Правильность анализа отдельного разночтения проверяется соответствием его выводов выводу анализа других разночтений того же слоя. Общие выводы анализа разночтений должны по возможности найти аналогии в других внешних и внутренних тексту данных.

Чем конкретнее и «нагляднее» выводы исследователя, чем меньше возможности построить на тех же данных другие выводы с тою же степенью конкретности, тем более убедительны результаты текстологического исследования.

Научное воображение — точное, детализированное, «реалистическое» — играет в текстологическом исследовании первостепенную роль.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУКОПИСЯМИ

Стремясь исследовать историю текста произведения, необходимо прежде всего изучить самые рукописи, если они дошли, и их историю.

Состояние рукописи, внесенные в нее дополнения и исправления, отдельные утраты, позднейшие записи, даже загрязненность отдельных листов могут дать важный материал об обстоятельствах ее написания, последующей судьбе и истории ее текста.

Если в рукописи имеются поправки — необходимо узнать, кому они принадлежат и в связи с чем они сделаны. Это могут быть авторские поправки на своей рукописи (в таком случае они могут свидетельствовать о продолжении творческого процесса или об исправлениях под давлением внешних обстоятельств). Затем, это могут быть авторские поправки на писарской копии (в таком случае они также могут быть и творческими и нетворческими исправлениями предшествующего авторского текста, равно как и простыми исправлениями ошибок списка). Кроме того, это могут быть исправления, внесенные тем же писцом, который переписывал основной текст (в таком случае перед нами либо поправки небрежно переписанного текста, сделанные по той же рукописи, или по другой — более точной, по мнению писца, либо его же редакторские исправления). Наконец, это могут быть исправления другим почерком (выправка ошибок, редакторские улучшения и пр.).

Изучение почерков и цвета чернил здесь может привести к весьма важным выводам (например, если почерк основного текста и исправлений одинаковы, но чернила разные — это будет указывать, что исправления делались хоть и одним лицом, но не сразу).

Изучение бумаги рукописей с проверкой всех имеющихся на ней водяных знаков (филиграней) по соответствующим справочникам позволяет датировать недатированные рукописи, устанавливать перерывы и дополнения в сложных по составу рукописях.

Загрязненность отдельных страниц может указывать, что на этой странице одно время начиналась или заканчивалась рукопись, находившаяся в длительном пользовании у читателей, и пр.

Если листы в рукописи перепутаны, важно бывает установить, когда это произошло. Некоторые данные для этого могут быть установлены из изучения времени изготовления переплета (путаница листов чаще всего происходит при переплетании).

Важный материал по истории рукописи и ее текста могут дать различные имеющиеся в ней приписки, отметки и пагинация (разные слои последней могут указать на существование части рукописи в самостоятельном виде или на то, что рукопись входила одно время в состав другой — более крупной). Данные о владельцах рукописи могут иногда уточнить судьбу ее текста (некоторые владельцы разъединяли рукописи, чтобы увеличить количество номеров своей коллекции; другие переплетали хранимые рукописи и дописывали недостающие части по изданиям или по другим рукописям своей коллекции — при этом важен бывает состав всей их коллекции; другие владельцы вносили исправления в самый текст и пр.).

Кроме того, изучаются все данные, которые свидетельствуют о нахождении рукописи в том или ином собрании, у того или иного владельца. Эти данные помогают установить происхождение рукописи.

Время списка нельзя смешивать с временем представленного в нем текста. Текст не может быть моложе списка, но он очень часто бывает значительно его древнее. В более молодом списке текст может быть древнее, чем в списке более старом. Эта самоочевидная истина часто забывается текстологами, которые иногда стремятся обосновывать бóльшую древность текста бóльшей древностью списка.

Изучать рукопись необходимо в тесной связи с ее текстом. Внешние особенности истории рукописи имеют значение только тогда, когда они в какой-то мере выявляют или объясняют историю ее текста.

Чем конкретнее и детальнее будет представлена исследователем история рукописи, тем убедительнее и доказательнее она окажется.

КОНЪЕКТУРЫ

Допустим, что в тексте ошибка или испорченное место и что этот текст с ошибкой или испорченным местом единственный (сохранилась только одна рукопись или все ру-

кописи дают именно эту ошибку). Восстановить правильное чтение можно только по различным соображениям. Восстановление первоначального чтения и объяснение происхождения получившейся ошибки (в том случае, когда исправляется именно ошибка), должны сопровождать друг друга. Такое восстановление правильного чтения не по другим рукописям, а в связи с контекстом по общим соображениям называется конъектурой.

Объяснением ошибки может служить простое отнесение ее к одному из типов бессознательных ошибок, которые мы приводили выше (стр. 25—34), но может потребоваться и более сложное объяснение.

Конъектурально можно не только восстановить правильное чтение из ошибочного, но и первоначальное из последующего редакторского изменения. Последнее, впрочем, сделать гораздо труднее, так как само доказательство того, что имеющееся в списке осмысленное чтение не могло быть чтением первоначальным, гораздо сложнее. Конъектуры, исправляющие текст, обычно значительно убедительнее конъектур, улучшающих текст.

Для того чтобы конъектура была наиболее убедительной, надо войти в психологию автора, переписчика, редактора, знать их язык и степень образованности, учитывать палеографические данные и пр. Всякая конъектура должна быть многосторонне оправдана. Надо показать, что она не противоречит истории языка, данным палеографии, не противоречит контексту, эпохе, авторской психологии и идеологии. Таковы, например, две конъектуры, предложенные к Мусин-Пушкинскому изданию «Слова о полку Игореве»: «къмети» вместо «къ мети» и «мужаимься сами» вместо «му жа имѣся сами». Обе конъектуры можно считать бесспорными: текст без конъектур непонятен, с конъектурами он вполне ясен, слова эти известны в XI—XII в., палеографически конъектуры вполне оправданы (текст в рукописи «Слова» был без разделения на слова; «ь» в полууставе сходно по написанию с «ѣ»), доказано, что обоих слов не знал Мусин-Пушкин (аналогичное неправильное разделение связного текста на слова сделано Мусиным-Пушкиным в его издании «Поучения» Владимира Мономаха).

В целом конъектуральные исправления текста искусство, в котором осторожность более похвальна, чем смелость, успех же зависит по преимуществу от способности

исследователя конкретно вообразить себе обстоятельства и отдельные детали истории текста.

Необходимо помнить, что конъектура — это не только способ восстановления «правильного» текста, но и один из способов восстановления его истории, что для текстолога иногда важнее.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВСТАВОК И ПРОПУСКОВ

Если в одних списках произведения имеются куски текста, отсутствующие в других списках того же произведения, — необходимо определить, вставлены ли эти куски в произведение (в одних списках) или исключены из него (в других списках).

И вставка и исключение могут повести к несоответствиям с остальным текстом, но несоответствия в обоих случаях будут различны. По этим несоответствиям в первую очередь и определяется — вставка ли перед нами, или пропуск.

Например, если предполагаемые исследователем вставки нескольких кусков текста сделаны из текста одного какого-либо произведения, то трудно допустить, чтобы аналогичная вставка из того же произведения была уже перед этим произведена раньше. Поэтому, если в изучаемом нами произведении в других его текстах, где эти вставки отсутствуют, все же имеются какие-то следы этих вставок, то естественно предположить, что перед нами в истории текста изучаемого произведения не вставка этих кусков (в одном ряду списков), а пропуск (в другом ряду списков). Действительно, произвести начисто исключение всех заимствований, не затронув остального текста и не оставив следов этих заимствований, крайне трудно. Для этого исключающий должен хорошо знать текст произведения, вставки из которого он исключает, и иметь веские мотивы для такого рода работы (мотивы исключения всех вставок, сделанных по какому-либо одному произведению, обычно сложнее, чем мотивы вставок по тому же произведению).

Определить вставку или исключение всегда может помочь анализ нарушений, с которыми связаны по-разному то и другое. Эти нарушения могут быть связаны с логикой повествования, самого действия или хода рассуждений автора, с последовательностью стилистической, правиль-

ностью грамматической и т. д. Определить вставку всегда может помочь анализ этих нарушений и демонстрация логической, стилистической и грамматической последовательности текста в экспериментальных реконструкциях текста без этих вставок или пропусков.

Выше мы исходили из предположения, что большая логичность повествования, большая стилистическая стройность и грамматическая правильность принадлежит первичному тексту. Имеются, впрочем, исключения. Так, например, в творческой истории авторского текста мы имеем дело с постепенным возрастанием логичности, стройности и художественной цельности, если только, конечно, автор продолжает творчески относиться к своему произведению. Иными словами, в истории текста произведения в руках у автора первичные тексты по большей части менее логичны, стройны и художественно цельны, чем последующие. Однако и автор, даже находясь в наивысшей «творческой форме», может допустить отдельные, частные несоответствия, создать «швы», производя вставку или исключение.

Иногда пропуск определяется потому, что в другом произведении имеется ссылка на пропущенное место. Ссылка на пропущенное место может сохраниться по недосмотру и в том же самом произведении — в других его частях.

Определяя вставку или пропуск, текстолог обязан по возможности дать ответ на вопросы: что сделано, кем, зачем и при каких обстоятельствах. Как и во всех остальных случаях анализа отдельных мест текста, он должен установить связь данной вставки или пропуска с остальными изменениями текста на том же этапе его истории.

ГЛОССЫ И ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Глоссами называются небольшие вставки, вводимые в рукопись (на полях, между строк, на подклеенных листках) переписчиками или читателями с целью разъяснения какого-либо места текста, поновления его смысла, раскрытия содержания, отсылок к другим памятникам, где о том же говорится иначе или подробнее, и т. п. Графически глоссы с текстом не сливаются. Иногда глоссы при переписке попадают в текст произведения. В последнем случае глосса становится интерполяцией. Интерполяцией на-

зывается вставка, сделанная из уже ранее написанного текста: из текста другого памятника, из приписок на полях и заметок, сделанных в других местах, и пр. Иногда глоссы и интерполяции возникают как реакция переписчиков и редакторов текста на его порчу: переписчик или редактор разъясняет место, оказавшееся непонятным из-за пропуска или ошибки их предшественников.

Глоссы и интерполяции — важные свидетельства по истории текста произведения. Иногда они позволяют датировать тот этап в истории текста, к которому они относятся (если в глоссе или интерполяции имеется дата или косвенное указание на время, когда они сделаны). Они позволяют судить об интерпретации памятника. Часто они находятся в связи с различными изменениями текста, принадлежат тем же лицам, которые редактировали текст, и пр.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОПИИ

Если список представляет собой простую копию с сохранившегося оригинала — значение его для истории текста невелико. Повышается значение копии, если после снятия копии дошедший оригинал пострадал, затерялся, был уничтожен. Копия может помочь установить время изменений, внесенных в оригинал.

Для того чтобы установить, что тот или иной список является копией с другого сохранившегося списка, необходимо показать не только близость их по тексту между собой и различие во времени их составления (любая степень близости, даже очень большая, может перейти через промежуточные копии), но что случайные, чисто индивидуальные особенности копии объясняются случайными особенностями оригинала. Например, к ошибке в копии приводит случайное начертание той или иной буквы в оригинале; пропуск в копии вызывает утрата части рукописи оригинала, дефект рукописи оригинала; случайная вставка в оригинале проникает в копию и т. д. Все эти отдельные случаи показательны только при их достаточно точном анализе, исключающем возможность другого объяснения. Менее показательна общность отдельных ошибок в копии и предполагаемом оригинале, так как механические ошибки могут возникать и самостоятельно или передаваться через промежуточные этапы истории текста. Показательна, тем

не менее, совокупность общих ошибок. Если таких примеров несколько, они разнородны и не будет ни одного противоречащего факта, то можно думать, что перед нами копия с оригинала.

Следовательно, и в данном случае действует общее текстологическое правило: каждое отдельное наблюдение текстолога должно найти свое подтверждение во всей сумме его остальных наблюдений.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМАТА ОРИГИНАЛА ИЛИ ПРОТОГРАФА

Некоторые особенности копии или списка могут быть объяснены форматом оригинала, форматом протографа. Например, многие случаи диттографии или гаплографии (см. выше, стр. 27) связаны с перескоком писца с одной строки на другую. Длина строки оригинала или протографа в таких случаях обычно кратна размеру пропуска или повторения текста в копии или списке. Следовательно, формат оригинала или протографа может подсказать размер пропуска и объяснить пропуск и повторение. Имеет, кроме того, значение количество текста, умещающегося в оригинале или протографе на странице или листе, так как отдельные пропуски или перестановки могут объясняться тем, что оторвавшийся лист оригинала был утрачен или вставлен не на место или вставлен хотя и на место, но в перевернутом виде. Наружный нижний угол листа чаще всего загрязняется и текст его стирается, поэтому определение положения его в оригинале или протографе также представляет существенную важность: если оригинал или протограф был весь загрязнен при переворачивании листов читателями, — дефекты копии или списков будут повторяться через правильные промежутки. Два пропуска в копии или списке могут объясняться тем, что лист оригинала или протографа имел дыру, повредившую текст на лицевой и оборотной стороне листа: в таком случае расстояние между пропусками будет равно странице текста оригинала или протографа.

Вот почему определить формат оригинала и протографа, если он утрачен, во многих случаях представляется очень важным. Формат оригинала и протографа может быть определен, если пропуски и повторения в копии или списке неоднократны. Тогда, исходя из размеров повто-

рений, если они в какой-то мере одинаковы или кратны определенной величине, можно определить формат утраченного оригинала или протографа и, соответственно, размеры пропусков в копии или списке. Гипотеза о формате должна быть по возможности обоснована многими фактами и разносторонне.

Можно подумать, что в определении формата оригинала создается порочный круг: формат утраченного оригинала определяется по особенностям копии, но сами эти особенности копии объясняются особенностями утраченного оригинала. Такое же положение мы имеем и в других случаях: история текста восстанавливается на основании особенностей дошедших списков, а сами эти особенности объясняются историей текста. Но в текстологии нет различия между объяснением и восстановлением истории: созданная текстологом картина истории текста в своей конкретно представимой убедительности есть сама в себе и доказательство и доказуемый факт.

ЦЕНЗУРА И АВТОЦЕНЗУРА

Всякого рода изменения текста, внесенные со стороны или сделанные самим автором, но под влиянием внушения со стороны, должны внимательно изучаться и не должны механически отбрасываться. Так точно обстоит дело в произведениях XVIII—XIX вв. и с цензурной правкой, с правкой редактора, если последний берет на себя функции цензора. Бывает так, что, после того как текст искалечен цензурным вмешательством, автор продолжает над ним работать, чтобы придать ему новый, допустимый смысл. Бывает и так, что автор меняет свой текст в предвидении и опасении цензурного вмешательства или меняет свой текст под давлением требований лиц, власть имущих, в угоду коммерческим соображениям, выгоде гонорара и пр. Во всех этих случаях текстолог должен внимательно изучать историю текста по содержанию и по художественной форме и ни в коем случае не прибегать к формальным рецептам определения авторского текста («последняя творческая воля автора» и пр.). Давление цензуры может вызвать не только нетворческие изменения текста, но и творческие (автор может прибегнуть к «эзоповому языку», к сложным символам, перенести действие в сказочный мир, прибегнуть к аллюзиям, переменить имена, изменить сюжет

и пр.). Творчество всегда совершается в соотношении со средой, и даже неблагоприятная и враждебная среда может вызвать своеобразные формы творчества.

Следовательно, цензура и автоцензура не могут быть отнесены во всех случаях к числу внешних случайностей. В очень многих случаях они входят в историю текста, представляют собой наиболее сложные ее этапы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПИСКОВ

Результаты анализа отдельных чтений и разночтений не дают еще оснований для непосредственного суждения о взаимоотношении списков. Необходимо эти результаты рассмотреть в их совокупности. По большей части бывает так, что результаты анализа отдельных разночтений прямо противоположны, и это может в конечном счете свидетельствовать о сложной истории текста, о наличии недошедших списков и редакций, о перекрещивающихся взаимоотношениях списков, о сложных правах текста, о восхождениях текста дошедших списков не к одному, а к нескольким спискам и пр. Поэтому данные анализа отдельных разночтений и чтений необходимо подвергнуть новому анализу в их совокупностях, устанавливая слои разночтений и чтений. Полученные результаты необходимо постоянно проверять — нет ли противоречащих им чтений и разночтений.

Заметить текстологическую близость нескольких списков легче, чем объяснить эту близость. Большинство фактов близости может быть объяснено различно.

Особенно осторожным следует быть по отношению к количественным показателям. Если большинство списков имеет определенный состав чтений, то это не означает, что именно этот состав первоначальный. Иногда единичные чтения, которые мы признаем за «индивидуальные особенности» того или иного списка, восходят к первоначальному тексту. Ведь наибольшую распространенность может получить текст вторичный, а первоначальный текст дойти до нас только в одном списке.

При установлении взаимоотношения отдельных списков не следует ограничиваться только разночтениями — важные данные могут представить состав текста, данные о рукописях, об окружении текста в составе сборников, собраний, архивов и пр.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ

Если списков много, изучение взаимоотношения их между собой должно основываться на их классификации. Классификации текстов могут быть двух типов: формальные и исторические. Формальные классификации наиболее легкие — по внешним признакам и количественным показателям. Историческая классификация основывается на данных истории текста, отражает и представляет историю текста произведения. Ясно, что первая классификация может предшествовать установлению истории текстов, но вторая может явиться только результатом изучения истории текста.

Формальная классификация делается для удобства последующего изучения. Она может в конечном счете не совпасть с классификацией исторической. Историческая классификация отражает реальную картину движения текста и поэтому крайне важна сама по себе, демонстрирует выводы изучения текстов. Формальную классификацию всегда можно установить, так как она условна, может основываться на различных принципах по выбору исследователя. Историческую классификацию можно установить только тогда, когда ясна история текста произведения. Историческая классификация в широкой степени пользуется гипотезами, заменяя ими в необходимых случаях недостаток фактов и доказательств.

Частично первоначальная формальная классификация может оставаться внутри конечной исторической в той ее части, которая не может быть полностью восстановлена за недостатком материала.

Формальная классификация и историческая — две стадии изучения текстов: начальная и конечная.

Устанавливая формальные основания классификации, текстолог стремится выбрать такие, которые в последующем исследовании позволили бы легко перейти к исторической классификации. Поскольку формальные основания классификации условны и поэтому могут быть различны, следует стремиться предугадать уже в выборе этих формальных оснований такие, которые будут иметь значение для построения исторической классификации.

Формальная классификация — это аналитическая стадия систематики текстов, историческая — ее синтетическая стадия.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ

Если списков произведения много или отдельные произведения имеют неустойчивые названия и близки друг другу по началам и составу (например, летописи), возникает нужда в опознавательных приметах редакции, извода, вида, группы списков произведения и пр.

Установление примет основывается на свойстве разночтений составлять более или менее устойчивые совокупности, комплексы. Из нескольких наиболее характерных и бросающихся в глаза отличительных особенностей текста данной редакции, извода, вида, группы списков произведения или самого произведения (если в том есть нужда) извлекается несколько признаков, которые и объявляются приметами текста. Примет должно быть немного (не более пяти, шести), чтобы легче запоминаться.

Иногда приметы текста удается выявить еще до окончания работы по изучению текстов, в таком случае приметы могут облегчить классификацию списков. В начале работы над памятником, когда история текста памятника еще не ясна для исследователя, приметы носят более или менее формальный характер. Впрочем, надежнее всего те приметы, которые имеют не формальный характер, а связаны с определенными этапами в жизни памятника. Если приметы памятника, его редакции, извода, вида, группы списков не только внешне заметны, но и связаны с существенными моментами в истории возникновения данного памятника, редакции, извода, вида, группы, — тем меньше опасность, что в дальнейшем они отпадут. К тому же их легче запомнить, ассоциируя с историей памятника.

Приметы текста особенно важны в тех случаях, когда текстолог не уверен в том, что ему удалось исчерпывающе привлечь все списки: они нужны для последующего установления вновь разысканных списков. Однако и при исчерпывающем привлечении всех списков приметы текста удобны для ориентировки в обильном рукописном материале. На их основе можно будет построить различного рода «определители текстов» памятников, встречающихся во многих списках.

Текстолог — следопыт. Приметы помогают ему в опознании текстов.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ (СТЕММЫ) СПИСКОВ И РЕДАКЦИЙ

Если взаимоотношения списков и редакций достигают большой сложности, полезно составить схему (стемму) генеалогических взаимоотношений списков.

Древнейшие списки помещаются обычно сверху, зависимые от них — внизу. Чтобы показать зависимость одного списка от другого, их соединяют линиями. Если зависимость устанавливается гипотетически, линии делаются пунктирными. Одновременные списки помещаются на одном уровне и обоюдосторонняя взаимозависимость (впрочем, редкая) показывается горизонтальной линией. Уровень, на котором помещен список, показывает, таким образом, время, к которому он относится (см. стр. 16).

В изображении генеалогии списков необходимо считаться с возможностью утраченных звеньев (списков, редакций, групп списков). Недошедшие звенья изображаются незаштрихованными фигурами, дошедшие — заштрихованными, или, соответственно, различными фигурами (например, недошедшие звенья — треугольниками, дошедшие — кружками).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВ

В изучении истории текста одно из самых важных доказательств правильности выводов — убедительность, ясность и полнота всей воссозданной картины истории текста. Вот почему реконструкции тех или иных утраченных звеньев истории текста играют важную роль в доказательстве правильности представлений исследователя об истории текста произведения. С помощью реконструкций текстолог делает не только наглядными и удобовоспринимаемыми свои выводы, но до известной степени проверяет их правильность.

Реконструкции нельзя смешивать с реально дошедшими до нас текстами. Работа по реконструкции — часть исследования; ее нужно отличать от подготовки текста произведения к изданию.

Реконструкция только тогда заслуживает внимания, когда она учитывает все факты, связанные с историей текста.

В реконструкции не должны смешиваться различные этапы истории текста произведения. Реконструкция воссоздает определенный текст, а не «лучший» текст.

Поэтому в реконструкциях не должно быть простых замен «худших» чтений «лучшими», создающими текст, который не привязывается к определенному этапу его развития.

«Частичные реконструкции», еще недавно принятые в текстологии, не должны иметь места. Если текстолог производит «частичную реконструкцию», заменяет отдельные части текста, оставляя другие, которые явно не могли быть в реконструируемом тексте, он создает смешанный текст, который никогда не существовал и не мог существовать. Он фактически лишает текст его общего текстологического смысла, единой целенаправленности и цельности.

Особенно сложно восстановить в реконструкциях язык. Текстолог, восстанавливающий определенный этап в жизни памятника, должен хорошо знать язык эпохи, к которой относится реконструкция. Восстановление памятника в формах языка другой эпохи — нелепость, это значит создавать текст, который не мог существовать.

Реконструкция — задача творческая. Она требует воображения, строго подчиненного всем извлеченным из подлинных текстов данным об истории текста произведения и косвенным свидетельствам.

ДАТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ

Исследуя историю текста того или иного памятника, необходимо по возможности установить даты его списков, редакций и самого памятника. Датировать текст могут прямые указания в самой рукописи, в других произведениях того же автора, в письмах, в мемуарной литературе и пр. Если точная датировка невозможна и прямых указаний нет, мы должны постараться установить крайние хронологические пределы, между которыми список, редакция текста или первоначальный текст памятника были составлены. Границы времени должны указывать: когда всего ранее (terminus post quem) и когда всего позднее (terminus ante quem) был составлен текст.

Все датировки между собой тесно связаны. От установления дат списков зависят даты редакций, от тех и других — установление даты или крайних хронологических пределов написания произведения. При обнаружении даты в списке необходимо иметь в виду, что дата могла быть внесена не в дошедший список, а в один из предшествующих недошедших списков.

Если список не датирован, вопрос о его дате решается на основании палеографических данных: данных бумажных знаков, характера почерка и т. п.

Косвенные данные для датировки извлекаются из упоминаний исторических событий и биографических обстоятельств, хронологических выкладок и отсчетов до «настоящего времени», из указаний на тех или иных лиц как на живых или мертвых, даты рождения и смерти которых известны, из соотношений с другими произведениями (ссылки на эти произведения, следы их влияния и влияния на них изучаемого текста и т. п.), из указаний на даты празднования переходных праздников (например, совпадение с воскресением какого-либо числа месяца), из данных языка и орфографии, если памятник может быть датирован только в пределах крупного периода времени. Датирующим признаком может быть та или иная официальная терминология, время появления которой известно, «мода» на то или иное слово. Датирующими признаками могут быть также упоминания имен святых, время канонизации которых известно. В произведениях нового времени существенна дата первой публикации.

Датируя то или иное произведение, надо иметь в виду, что один основательный аргумент стоит любого числа малоосновательных.

Датируя текст, всегда необходимо учитывать по возможности полную его историю, даты и взаимоотношения его редакций, видов, списков. Вопрос о дате произведения — это вопрос о целом круге проблем; это вопрос комплексный.

Необходимо искать не только признаки даты, но и стремиться извлечь из памятника все, что могло бы противоречить предполагаемой дате. Одно противоречие отменяет самую хитроумную датировку.

В конечном счете датировка находит себе подтверждение во всей истории текста памятника.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕКСТОВ

Для памятников древних и средневековых при невозможности установить их автора имеет существенное значение происхождение памятника, редакции или извода из той или иной местности.

Для определения местного происхождения текста, если на это нет прямых указаний, могут иметь значение косвенные признаки: осведомленность составителя текста в мелких местных событиях, хорошее знание им своего города или своей местности, местные тенденции (например, прославление местночтимых святых или местных чиновников), точные даты местных событий, называние местных жителей «нашими», ошибки, при которых названия города, имена исторических лиц опознаются за принадлежащие своей местности, за те, которые ближе и более знакомы составителю текста. Существенное значение имеет сравнение «чужих» явлений со своими, местными (например, игумен Даниил сравнивает Иордан со своей речкой Сновью). Определению местного характера того или иного памятника помогает изучение его политических тенденций и связей их с местными партийными интересами.

О местном происхождении памятника может свидетельствовать сама рукописная традиция (памятник в течение ряда генераций списков связан с той или иной местностью или переписывается в составе местных произведений, находится в местных собраниях рукописей и пр.). Большую роль играет выявление диалектизмов (фонетических, морфологических, лексических); эта работа по выявлению диалектизмов сложнее, чем кажется с первого взгляда, и требует специальных лингвистических знаний.

Вопрос о местном происхождении текста связывается с целым рядом других: с вопросом о его политических тенденциях, с вопросом о близости его к другим произвениям той же местной литературы, с вопросом о близости автора к тому или иному местному политическому деятелю и о местных особенностях классовой борьбы.

И в вопросе о местном происхождении того или иного памятника ясно выступает основное текстологическое правило: не ограничиваться внешними признаками, а детально и конкретно видеть за историей текста историю людей, имевших к этому тексту отношение.

АТРИБУЦИЯ И АТЕТЕЗА

Атрибуция — установление автора произведения. Атетеза — отведение того или иного автора от ложно приписываемого ему произведения.

Необходимость в атрибуции и атетезе очень часта в новой литературе, но особенно сильная нужда в них возникает в исследованиях средневековой и древней литературы, где авторство отмечалось значительно реже, чем в новое время.

Атрибутируя то или иное произведение, исследователь должен быть уверен, что произведение составляет единое целое. Не только в средневековой литературе произведение может составлять часть другого, может принадлежать нескольким авторам, быть результатом механического или органического соединения нескольких других произведений. Кроме того, произведение может представлять собой переделку другого произведения, быть редакторской переработкой какого-либо произведения, иногда при этом тенденциозной. Фальсификатор может ограничиться добавлением имени псевдоавтора, перенести произведение путем соответствующей переделки в другую эпоху и пр. И в данном случае история текста произведения должна приниматься в расчет исследователем. В очень многих случаях исследователь обязан не только установить авторство того или иного произведения, но и раскрыть — в чем это авторство заключалось (например, был ли Ермолай-Еразм автором Повести о Петре и Февронии Муромских, самостоятельно создавшим сюжет и все повествование, или он только переработал предшествующее произведение, и в чем заключалась эта переработка).

Приписывая произведение тому или иному автору, необходимо иметь в виду, что имеются авторы-однофамильцы или носящие одно и то же имя. Переписчики имеют склонность «раскрывать» имя добавлением фамилии, прозвища или определения его положения, происхождения, рода занятий, заменяя малоизвестного автора на более им известного.

Если работа по атрибуции уже проделана другим текстологом, полезно иметь в виду некоторые общие тенденции, свойственные многим работам по атрибуции. Чаще всего произведение атрибутируется какому-либо известному автору. В этом сказывается «тенденция» исследователя. В результате мы очень часто имеем стремление к ограничению авторов той или иной эпохи несколькими крупными именами.

В тех случаях, когда точно определить автора невозможно, большое значение имеет ограничение круга лиц,

к которым мог принадлежать автор, например установить принадлежность автора к той или иной среде, профессии. Такая атрибуция называется частичной.

В целом полную атрибуцию или атетезу может дать выяснение всей истории текста произведения. То и другое — лишь часть истории текста. Однако, если история текста произведения не может быть выяснена полностью из-за недостатка материала или если по тем или иным причинам текстолог ограничен в своих исследованиях, — атрибуция и атетеза становятся самостоятельными задачами текстолога.

Доказательства принадлежности произведения тому или иному автору могут быть документальные и косвенные — извлекаемые из содержания, стиля и языка произведения. Для того чтобы определить автора произведения или для того чтобы отвергнуть то или иное традиционно приписываемое авторство, недостаточно какого-либо одного рода доказательств: документальных свидетельств или доказательств, извлекаемых из содержания, стиля, языка произведения. Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера: например, совпадению показаний анализа почерка, языка, стиля, косвенных указаний в документах эпохи и извлекаемых из самого произведения. Мы можем сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по двум или трем координатам.

Документальные свидетельства могут быть следующие: традиция, приписывающая произведение тому или иному автору, письменные заявления самого автора, подпись под произведением, списки своих произведений, составленные автором, включение произведения в прижизненные издания сочинений, указания на авторство в оглавлениях журналов, сборников (сводных — за год или за несколько лет — и в отдельных номерах), данные в указателях, гонорарные ведомости, свидетельства современников в воспоминаниях, письмах, дневниках, указания в произведениях того же автора или его современников и т. д. Все эти указания, впрочем, могут быть и ложными. Следовательно, должен быть принят во внимание не только документ сам по себе, но и «история текста» данного документа. Необходима уверенность, что указание документа правдиво

или по крайней мере что документ не было оснований фальсифицировать.

Анализируя документальные свидетельства, необходимо особенно тщательно проверять, что имеется в виду в документе под понятием авторства. Авторский гонорар может быть присвоен переделывателю произведения или одному из нескольких авторов. При определении редактора надо иметь в виду, что в документе под редактором может разуметься почетный редактор или ответственный редактор, фактически не принимавший участия в редактировании произведения, и пр.

Другие основания для атрибуции могут быть извлечены из анализа идейного содержания произведения, стиля и языка.

Идейный анализ произведения ни в коем случае не может ограничиваться лишь главными, основными мыслями произведения. Идеи произведения могут быть общими для многих авторов и быть обусловлены их классовыми, сословными, профессиональными, партийными позициями. Их могут разделять все лица, принадлежащие к данному классу, сословию, профессии, партии и т. д. Гораздо показательнее второстепенные детали их идеологии, нюансы мысли, оттенки рассуждения, индивидуальные способы доказательств, излюбленные примеры.

При атрибуции и особенно при атетезе по идейным признакам необходимо иметь в виду, что взгляды автора могут изменяться и, наконец, что автор может быть непоследователен в своих суждениях. Последнее встречается как в новой, так и в древней литературе (античной и средневековой). Есть авторы, которые никогда не повторяли самих себя (например, Платон), и тогда сходство произведения с другими, приписываемыми тому же автору, может служить скорее в пользу атетезы, чем в пользу атрибуции. Характер творчества автора должен приниматься в расчет во всех случаях атрибуции и атетезы.

Язык может быть показателем национальности автора, его происхождения из той или иной местности, имеющей свои диалектные особенности, его социального происхождения и социального положения, его осведомленности в той или иной области (например, пользование научной или технической терминологией), его профессиональной принадлежности (например, автор живописец употребляет некоторые специфические для его профессии термины и

выражения). Атрибутируя по признакам языка и стиля, исследователь обычно составляет список характеристических «речевых примет». Составляя этот список, необходимо исторически и филологически его обосновать. Анализ языка способен показать знакомство автора с иностранными языками. Если исследуется переводное произведение — язык особенно показателен, так как он может указать и на тот язык, с которого делался перевод. При анализе языка необходимо остерегаться приписать автору особенности, внесенные в текст редактором и переписчиками.

При стилистическом анализе необходимо иметь в виду, что стиль автора может меняться в зависимости от жанра произведения, от обстоятельств его создания. С большой осторожностью необходимо пользоваться анализом стиля в случае наличия вымышленного рассказчика. В этом случае, как, впрочем, отчасти и в остальных, второстепенные особенности стиля могут оказаться более показательными, чем первостепенные, невольные — более показательными, чем сознательные, и пр.

Так или иначе нельзя основываться только на одном каком-либо типе доказательств (анализе содержания отдельно от анализа стиля или языка). Главные доказательства могут быть извлечены из какой-либо одной категории явлений, но все остальные явления, в которых могут быть обнаружены признаки авторства, также должны быть привлечены, хотя бы в качестве контрольных. Исследователь должен доказать, что все сведения по истории текста произведения не противоречат его выводу.

Из изложенного ясно, что атрибуция произведения в целом производится на основе выяснения по возможности всей истории текста. Она по возможности должна опираться на целый комплекс наблюдений. Чем шире и разнообразнее этот комплекс, тем основательнее произведенная атрибуция. Атрибуция — это особый угол зрения на историю текста произведения, при котором текстолога интересует только вопрос об авторстве. Под этим углом зрения исследователь отбирает из истории текста главное, отодвигая на второй план все то, что не может способствовать выяснению авторства. Однако «главное» при атрибуции совсем не то, что главное в историко-литературном исследовании.

«Официальные» данные об авторе произведения в названии произведения иногда менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, «случайные»; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля, и т. п. Одним словом, очень часто второстепенное оказывается для атрибуции первостепенным, а первостепенное — второстепенным.

Атрибуция имеет свой выбор фактов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДДЕЛОК

Подделками называются памятники, в которых намеренно прямо или косвенно неправильно указывается автор или время и место их создания.

Подделки могут представлять интерес исторический и литературный, как показатели идейной борьбы (с еретиками, с инакомыслящими), коммерческих интересов или литературных вкусов их создателей (подделки ради продажи коллекционерам), как показатели притязаний отдельных лиц или партий, как показатели определенного общественного «спроса» (например, подделки памятников национальной старины в первой половине XIX в.).

Различаются подделки полные и частичные. В частичных подделках меняется не весь текст и иногда даже не рукопись, а вносится лишь ложная подпись, дата, указание на место создания или какие-нибудь косвенные указания с целью дать ложные представления о памятнике, о его авторе, времени и месте создания.

Установление подделки — частный факт изучения ее истории текста.

Лишь в тех случаях, когда исследователя интересует установление самого факта подлинности или поддельности, исследователь может отказаться от полного изучения истории текста поддельного памятника. Но и в этом случае для точного обоснования факта подделки некоторые элементы истории текста памятника должны быть по возможности изучены: необходимо знать кто, когда и при каких обстоятельствах подделал памятник, цели подделки (коммерческие, идейные, озорство и пр.). Обязательно также указать «возможности» подделывателя: знание им языка, на котором написан подделываемый памятник,

источники знания тех фактов, которые имеются в подделке, владение литературной манерой памятника и пр.

Изучение сравнительно просто, если подделыватель известное лицо, знания и способности которого в пределах подделки не вызывают сомнений, или если содержание и форма поддельного памятника достаточно примитивны для своего времени (времени подделки). Гораздо более ответственные и широкие задачи стоят перед текстологом, если подделка незаурядна в литературном и историческом отношении: здесь перед исследователем стоит задача полного изучения истории текста памятника.

В случаях несложной подделки памятника необходимо в первую очередь изучить рукопись палеографически (если подделыватель объявляет рукопись пропавшей, надо поискать следов палеографии памятника в предъявленной копии), затем изучается соответствие языка и стиля эпохе и указанным обстоятельствам создания памятника, изучается соответствие его документной или литературной формы памятникам эпохи, изучается соответствие содержания действительности и пр.

Широкие филологические познания исследователя здесь особенно важны. Исследователь должен всесторонне знать и ту эпоху, на которую претендует подделка (чтобы доказать несоответствие ей памятника), и ту эпоху, к которой в действительности относится памятник (чтобы определить соответствие ей памятника, цели и значение подделки и пр.).

Принципиально изучение истории текста подделки и установление самого факта поддельности не отличается от изучения текста «подлинного» произведения и установления обстоятельств его создания.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРАЖАНИЙ

Подражание — произведение, воспроизводящее форму, стиль, манеру какого-либо образца.

Ряд общих черт, свойственных всем подражаниям, должен быть принят во внимание. Подражание связано с приспособлением формы оригинала к новому содержанию. При этом приспособлении старой формы к новому содержанию происходят однородные для подражаний явления деформации и упрощения формы.

Подражатель способен воспроизвести в своем произведении только те элементы формы оригинала, которые им восприняты, осознаны как присущие оригиналу. Следовательно, форма оригинала невольно сужается подражателем. Стилистические признаки оригинала в подражании представлены в той или иной степени беднее. В ряде случаев значение отдельных элементов формы оригинала в подражании оказывается непонятым и искаженным. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, либо не переходят в подражание, либо упрощаются, теряют глубину и многозначность. В результате связь формы и содержания в подражании менее органична, чем в оригинале, выражена слабее.

Подражатель обычно воспроизводит в своем произведении известный доступный ему круг стилистических приемов. Вряд ли можно думать, что он заметит все стилистические обороты своего оригинала. Поэтому подражание будет беднее стилистическими оборотами, чем оригинал. В оригинале всегда остается нечто, не учтенное подражателем, но тесно связанное со стилистическим единством произведения.

Если язык претерпел изменения ко времени, когда создано подражание, эти изменения (в лексике, морфологии, синтаксисе) могут оказаться также не учтенными подражателем.

Естественно, что при установлении факта подражания исследователь должен заметить особенности содержания, стиля и языка обоих произведений зорче, чем это сделал в свое время подражатель.

Специфическая ограниченность формальных средств подражания вынуждает подражателя в известной степени ограничивать и содержание своего подражания. Подражатель вынужден ограничивать содержание такими его элементами, которые могут быть выражены средствами оригинала (вернее теми из них, которыми подражатель пользуется). Следовательно, в подражании сравнительно с оригиналом ограничена не только свобода формы, но в некоторой степени (хотя и в меньшей) и свобода содержания. Вот почему подражание почти всегда меньше по своим размерам, чем оригинал.

Если подражание отделено от оригинального произведения существенным промежутком времени, оригинальное произведение будет лучше отражать идеи эпохи, будет

содержательнее, теснее связано своим замыслом с идейной борьбой своего времени.

Подражание от оригинала можно отличить и по ряду других признаков. Подражатель невольно может воспроизвести в своем произведении такие элементы оригинала, которые тесно связаны с исторической действительностью оригинала и не имеют реального смысла в подражании (в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы» — имеются в виду днепровские пороги; в «Задонщине» уже Дон пробивает каменные горы, которых на самом деле на Дону нет).

Иногда оригинал и подражание текстологически связаны с другими произведениями: тогда отличить подражание от оригинала можно, выяснив взаимоотношение всех взаимосвязанных произведений. Так, например, «Слово о полку Игореве» имеет ряд общих элементов с рассказом Ипатьевской летописи о том же походе Игоря; эти же общие для этих двух произведений элементы встречаются и в «Задонщине», посвященной совсем другому сюжету. Следовательно, «Задонщина» заимствовала их из «Слова», а не наоборот; иначе останется необъяснимым наличие их же в рассказе Ипатьевской летописи.

На примере изучения подражаний видно, что текстолог не может ограничиваться только изучаемым произведением. История текста памятника всегда связана с другими текстами той же эпохи и требует привлечения данных поэтики и историко-литературных в целом. Текстолог должен быть историком литературы и художественным критиком, уметь отличать лучшее в художественном отношении произведение от худшего.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ

При изучении переводов очень ограничены возможности использования содержания для установления истории текста. Ограничены и специфичны возможности изучения стиля. Огромное значение имеет изучение языка перевода, дающего ряд ценных указаний на время, место и характер перевода. Судьба перевода осложняется возможностями дополнительных правок (редактором, переводчиком в новых изданиях) по оригиналу, с которого сделан перевод. Наконец, самое главное, изучение текста

переводного произведения сопровождается исследованием его соотношения с иноязычным оригиналом и определением этого оригинала.

Исследователь, открывающий новый памятник, автор которого не известен, должен прежде всего определить: переводный это памятник или оригинальный. Если содержание произведения не позволяет дать на это определенный ответ, необходимо искать признаки перевода в самом языке памятника. Перевод могут выдать отдельные синтаксические обороты, которые могут быть объяснены языком оригинала, оставшиеся непереведенными отдельные слова, кальки с языка оригинала, характер написания имен и названий и специфические ошибки, проистекающие от того, что переводчик не понял язык оригинала. Впрочем, иностранные слова и обороты могут быть общеязыковыми заимствованиями или проникнуть в произведение через живое общение автора с иноземным населением и их языком (ср. чужеземные слова и обороты в литературе иммигрантов).

Косвенные показания для определения времени перевода могут быть следующие: цитирование данного перевода в каком-либо датированном памятнике, включение его в состав датированной компиляции, сборника или журнала, использование в переводе других, датированных переводов. Перевод не может быть сделан раньше, чем написан оригинал, и поэтому анализ содержания перевода может подсказать крайнюю дату появления перевода. Язык перевода, отдельные слова, появление которых датировано в истории языка, могут также подсказать время перевода.

Если установлено время перевода и язык, с которого он сделан, — нахождение оригинала может быть произведено с помощью справочных изданий разного рода. Важно, однако, установить, с какой редакции текста или с какого издания сделан перевод. Здесь без текстологической истории оригинала, послужившего для перевода, дело обойтись не может. Если история текста оригинала не выяснена, — изучить ее хотя бы в той мере, в какой это необходимо для установления вида оригинала, послужившего основой для перевода, обязанность исследователя перевода.

В некоторых случаях, особенно когда перевод сделан с рукописи, удается установить не только редакцию ори-

гинала, но и самый экземпляр, с которого делался перевод.

Нередко перевод, сделанный по одной редакции текста, в дальнейшем правился по другой редакции. Иногда перевод делался вторично и при этом исправлялся по первому переводу.

Текстологу необходимо, кроме того, иметь в виду, что оригинал может помочь установить первоначальные чтения в переводе, а с другой стороны, перевод может указать на такие особенности текста оригинала, которые в дошедших до нас рукописях оригинала отсутствуют. Перевод может, например, помочь определить пропуски и вставки в оригинале, восстановить правильный порядок текста оригинала и пр.

Существен и вопрос о том, как устанавливается личность переводчика. Здесь решающую роль должны играть отдельные детали языка и стиля перевода, а также общие для всех переводов данного переводчика ошибки, объясняемые строго определенными дефектами в знании языка оригинала.

История текста переводов так же длительна, как и жизнь оригинальных произведений, но она еще более сложна, поскольку в ней, кроме обычной жизни текста, особую роль играет соотношение с тем иноязычным текстом, с которого перевод сделан.

При изучении переводов следует также не забывать об одном из самых продуктивных текстологических правил: чем нелепее и непонятнее с первого взгляда кажется деталь, тем показательнее она может оказаться для истории текста произведения.

КОМПЛЕКСНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Каждое чтение изучается в контексте разночтений списка в их целом, разночтения произведения изучаются послойно, каждое произведение — в связи с другими произведениями того же автора, в составе сборников, периодических изданий, в составе архивов, во взаимодействии с литературой своего времени. Чем меньше изолированности, тем больше опор для восстановления истории текста произведения.

Иногда произведения переписывались в составе сборников устойчивого или более или менее устойчивого содержания. Тогда состав сборников может пролить свет на то, как понимался составителем сборника жанр произведения, его содержание. Переделки произведения составителем или переписчиком сборника могли быть однотипными для всего состава сборника. Правка соседних произведений могла отразиться и в изучаемом. Входившие в состав сборника произведения могли специально для них перерабатываться.

Автор может готовить произведение специально для сборника, для альманаха, для журнала, для собрания сочинений. Надо изучать приемы работы автора, редактора, переписчика не только по тому произведению, которое мы исследуем, но и по остальным, над которыми они работали. Работа над этими остальными может пролить свет на работу над интересующим нас произведением. Приемы работы того или иного лица более или менее однообразны для всех произведений, особенно в мелочах и второстепенном.

На историю рукописи может пролить свет история архива, собрания рукописей, ее включающего.

История текста изучается не только в его движении, но и в его хранении, пребывании, использовании.

Важные показания для истории текста произведения извлекаются из соседних с ним, — повлиявших на него или испытавших его влияние. Эти произведения могут иметь датирующее значение, они могут говорить о распространенности изучаемого произведения, а главное — о состоянии текста в тот или иной момент. Цитата из недошедшей редакции произведения, из несохранившегося списка может многое подсказать опытному текстологу.

Особенно важно изучать взаимодействия с другими произведениями в средневековых литературах, где заимствования из произведений предшественников являлись системой работы.

Все, что мы знаем о повлиявшем произведении или о том, что представляла собой повлиявшая редакция, может пригодиться при изучении памятника, на который это влияние было оказано.

Ни один памятник не существует в одиночестве. Памятники «социальны».

ЗАМЫСЕЛ И ВОЛЯ АВТОРА

Мы рассматривали выше элементы движения текста, постоянно соотнося их с содержанием текста. История текста не есть история его внешних, случайных изменений. Основное, с чем должна считаться текстология, — это с замыслами и намерениями творцов текста (под творцами текста разумею всех, кто создает текст, — не только его авторов, но и редакторов — составителей редакций текста). Эти замыслы и намерения в конечном счете должны объясняться историей литературы и историей всего общества, но на известном этапе именно раскрытие этих замыслов является центральной и наиболее сложной задачей текстологии.

В произведении воплощается замысел. Но замысел не существует в готовом и вполне законченном виде еще до написания произведения. Он меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом свидетельствуют черновики и корректуры автора. Замысел, по мере своего воплощения, начинает оказывать обратное воздействие на автора, вводит его в свою внутреннюю логику. Автор в процессе воплощения своего замысла начинает видеть его недостатки и достоинства. Процесс воплощения замысла есть процесс совершенствования и роста замысла. Но и после того как произведение напечатано (в данном случае я говорю о произведениях нового времени), автор может продолжать над ним работать, готовить для новых изданий. Иногда последние главы большого законченного произведения кое в чем противоречат первым. Эти противоречия рождаются в процессе работы, а иногда в процессе переработок уже законченного произведения, когда интенсивный творческий процесс закончился и автор забыл многие детали своего произведения и не представляет себе замысла с такой отчетливостью, как раньше. В этих случаях могут появляться не только отдельные внутренние несоответствия, но нарушаться выдержанность языка и стиля.

Замысел развивается — соответственно меняет свое направление и авторская воля. Необходимо изучать изменения и развитие замысла и соответствующие изменения авторской воли.

Воля автора не статична, а динамична. Она может быть доведена автором до конца и может быть не дове-

дена. Автор очень часто не успевает или не хочет завершить свой замысел. Текст остается незаконченным. Кроме того, он может упорно работать над своим произведением уже после его издания. В некоторых случаях он может письменно или устно заявить о полной завершенности своего произведения в определенной рукописи или издании. Перемены воли автора могут быть творческими и нетворческими: автор может внести изменения, явно ухудшающие текст, в связи с опасением цензуры, требованиями администрации (см. выше, стр. 44), техническими условиями издательства, уступая критике, компетентным и некомпетентным советам друзей и пр. С течением времени и с переменой художественных и идейных убеждений автора у последнего может понизиться интерес к собственному произведению, и он может передоверить его исправление, правку корректуры и пр.

Соответственно авторская воля проявляется с большей или меньшей степенью интенсивности. Автор может прямо заявить об окончательном воплощении своего замысла в том или ином тексте, но может и не заявить, мы можем только догадываться о его воле, предполагая ее воплощенной в последнем прижизненном тексте произведения. Мы имеем также многочисленные случаи недовольства автора своим произведением — редко полным недовольством, а в большинстве случаев частичным (в результате изменений мировоззрения, интересов, художественных вкусов, появления новых навыков работы и новых творческих замыслов и пр.). Известно, что Т. Тассо хотел новым своим произведением уничтожить все, что он написал раньше.

В некоторых случаях автор не нашел времени достаточно упорно поработать над произведением. Произведение часто остается незаконченным или с неряшливо выправленным текстом. В таких случаях особенно трудно говорить о проявлении авторской воли в том или ином тексте.

Особенно осторожным следует быть в случае санкционирования автором для издания того или иного уже готового текста. Известно, что «Вертер» был многократно и неряшливо издан при жизни Гете, но без контроля с его стороны. Затем Гете избрал для основного текста одно из самых ошибочных изданий. Когда ему на это указали, он с этим согласился и отказался от этого издания.

Воля автора, как и замысел произведения, — явления крайне сложные и неустойчивые и до сих пор в самой сущности своей почти не изученные. Во всяком случае, к вопросу об авторской воле текстолог должен подходить не как юрист и не рассматривать «последнюю волю» с правовой точки зрения. Нельзя в работе над авторскими текстами произведения ограничиваться формальным выявлением последней творческой воли автора. Замысел и воля автора в воплощении этого замысла должны подробнейшим образом изучаться текстологом во всей их сложности и в их меняющихся отношениях к текстам. Разумеется, это относится и к замыслам, и к воле средневековых и древних редакторов произведений.

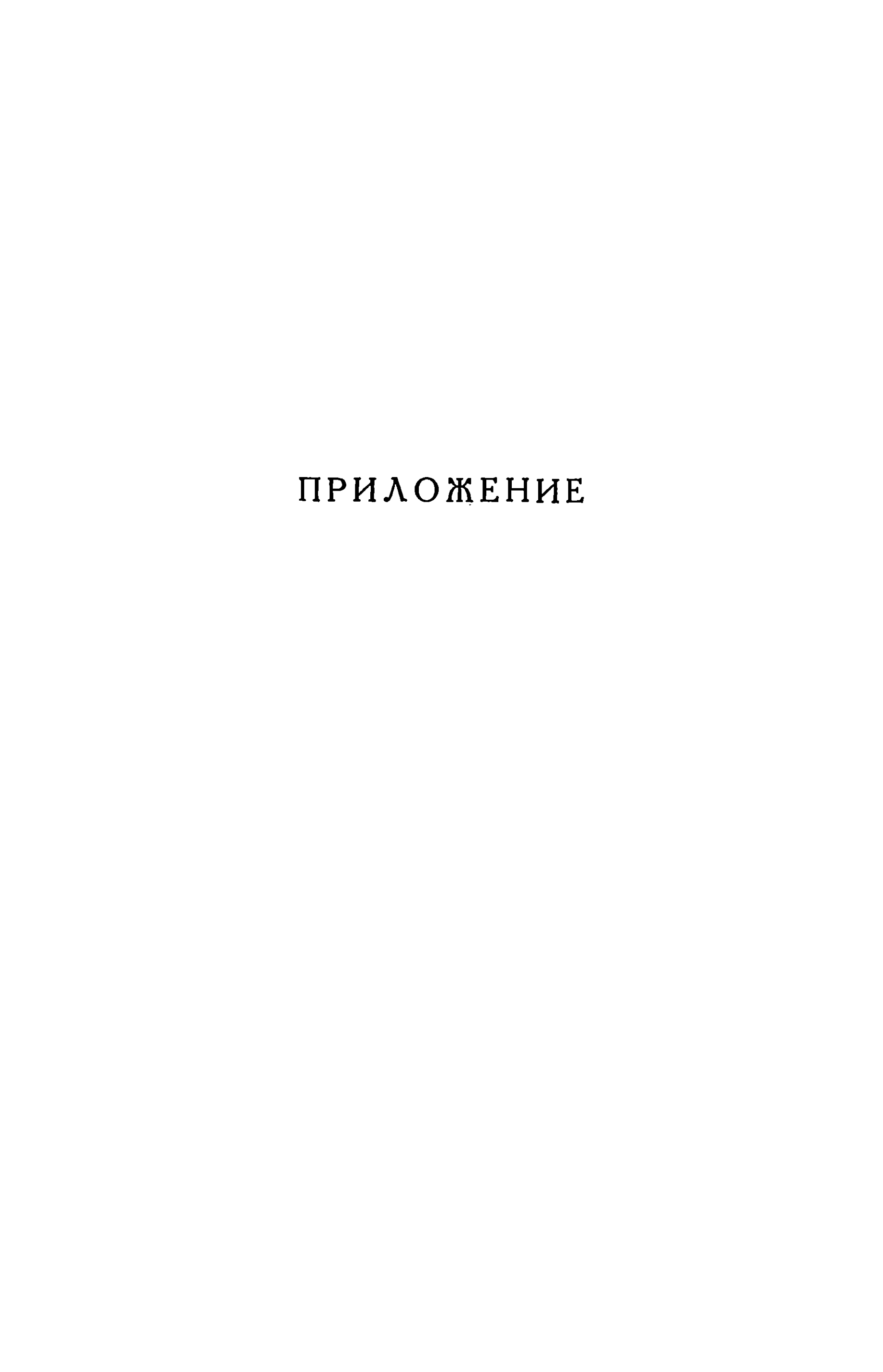
Текстолог, изучая историю замысла произведения и историю воли автора, не может быть только бесстрастным регистратором. Он должен оценивать их с точки зрения художественной и идейной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выяснение истории текста произведения и объяснение этой истории в текстологии сливаются. Показать как развивался текст — значит и объяснить его.

Доказательства в текстологии строятся при этом на демонстрации единственности предложенной текстологом картины движения текста. Чем конкретнее и детальнее его выводы, тем они убедительнее. Развернув те или иные детали общей картины движения текста, текстолог показывает вместе с тем, что на основании имеющихся данных нельзя построить иной картины. В методике текстологических доказательств первостепенную роль играют доказательства от противного; текстолог обязан показать в каждом случае, что другого направления движения, чем то, которое он предлагает, не могло быть.

Чем детальнее текстолог углубляется в конкретную жизнь изучаемого текста, тем доказательнее его выводы. С этой точки зрения наибольший вред изучению истории текста может нанести механическое следование отвлеченным правилам и принципам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕХНИКА ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ

ТИПЫ ИЗДАНИЙ

Типы изданий весьма разнообразны. Классификации типов изданий различаются: одна классификация может быть выработана для памятников древних («античных», «средневековых», «восточных» и пр., характер распространения которых выработался в условиях рукописной переписки), другая — для памятников нового времени (характер распространения которых выработался в условиях широко развитого книгопечатания).

Типы изданий древних памятников. Следует прежде всего различать издания для лингвистов и издания для литературоведов и историков. Лингвист кладет в основу издаваемого текста список, наиболее ценный с точки зрения языка. Литературоведы и историки кладут в основу издания список, дающий наилучшее представление о памятнике или о редакции памятника. Лингвисты нуждаются по преимуществу в издании текста одного списка. Литературоведы и историки стремятся издавать текст по всем спискам, дать представление о редакциях, об истории текста памятника. Различается у лингвистов, с одной стороны, и у литературоведов с историками — с другой, выбор разночтений. У лингвистов разночтения должны давать представление о языке списков; у литературоведов и историков — об изменениях в содержании в отдельных списках, а специально у литературоведов — и об изменении стиля.

Следует различать издания текста и издания рукописи. Последние (издания дипломатические и факсимильные) [1] полностью или частично воспроизводят не столько текст, сколько рукопись, ее особенности (почерк, механические ошибки, внешние дефекты рукописи и пр.).

[1] От латинских слов fac simile — «сделай подобное». Термин «факсимиле» не всегда точно употребляется.

К изданиям рукописи относятся всякого рода воспроизведения рукописи (цинкографические, гравированные, фотомеханические и пр.) и воспроизведения по возможности всех особенностей рукописи типографскими средствами (воспроизведение всех букв, ошибок, зачеркиваний, повреждений текста и пр.).

Факсимильные и дипломатические издания предназначаются для продолжения исследований рукописи (для замены рукописей) и для фиксации внешнего вида рукописей (особенно тех, которые разрушаются). Те и другие издания должны сопровождаться обстоятельными пояснениями с проверкой изданий по рукописям. Обычные представления о том, что факсимильные издания полностью заменяют рукописи, ошибочны. Факсимильные издания не дают представления о материале, на котором написан текст (например, о водяных знаках на бумаге, о выделке пергамена и пр.), о цвете чернил, киновари и пр. (даже цветные воспроизведения обычно искажают цвет). В них часты ошибки ретуши. Поля рукописи и имеющиеся на них отметки могут оказаться в издании срезанными. Может исчезнуть тот или иной лист, страница. Тыльная сторона переплета может быть принята за страницу. В факсимильных воспроизведениях может чрезмерно выступить одна часть текста и исчезнуть другая. Может выступить просвечивающий оборот листа. Трещины (в берестяных грамотах) и грязные пятна могут слиться с буквами, показаться их продолжениями. Карандашные пометы могут не выйти. Тонкие линии могут оказаться на передержанной фотографии толстыми, а при недодержке не выйти. В факсимильных изданиях должны быть учтены дефекты фотографии, ретуши, клиширования, печатания. По существу текст факсимильных изданий остается в них непрочтенным и неустановленным. Поэтому крайне важно, чтобы факсимильные издания сопровождались изданием транскрипции текста (дипломатическим его изданием). И наоборот: дипломатические издания наиболее эффективны, если они сопровождаются воспроизведением текста.

Разные типы издания древних текстов могут совмещаться в одной книге. В книге текст может быть издан дважды и трижды разными способами; может быть издан список (рукопись) и текст. Иногда можно совместить задачи издания для лингвистов с задачами издания для историков и литературоведов (см. рис. 3).

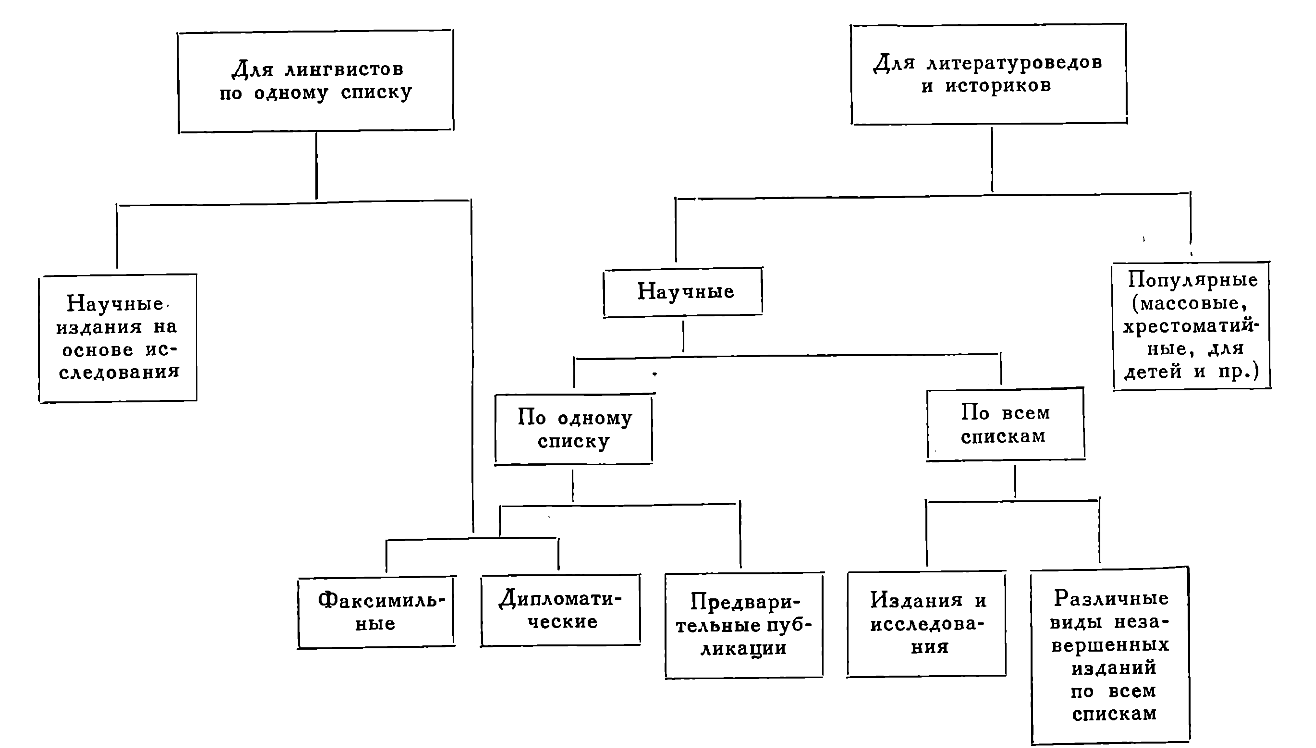

Рис. 3. Типы изданий древних текстов и рукописей.

Типы изданий произведений нового времени. Ввиду большого объема сочинений некоторых авторов нового времени приходится внести различия в издания сочинений и издания отдельных произведений. Издания отдельных произведений по своим типам не отличаются от изданий произведений древних. Издания же сочинений авторов нового времени существенно отличаются выработкой «канонического» текста (см. ниже), характером подачи рукописных текстов (в более ограниченном объеме, чем в изданиях древних памятников), необходимостью располагать произведения в определенной последовательности (хронологической или по жанрам) и пр.

Собрания сочинений бывают полные и избранные. Те и другие делятся на научные и популярные. Не совсем ясны два термина, употребляемые текстологами произведений нового времени: «издания критические» и «издания академические». Термин «критическое издание» связан с термином «критика текста» — так называлось и отчасти называется текстологическое исследование. Так как каждое издание (и научное, т. е. предназначающееся для научной работы, и популярное) должно строиться на предварительном изучении текста (осуществляемом для данного издания или уже проделанном ранее и другими лицами), то всякое издание текста должно быть критическим. Некритических изданий не должно быть. Термин «академическое издание» связан с изданиями, тип которых был выработан в Академии наук. Сейчас академические издательства осуществляют разного типа издания — от строго научных до массовых. За понятием «академического» закрепилось значение «научно-образцового». Два издания, в которых принято по преимуществу видеть тип академического издания, — шестнадцатитомное издание сочинений Пушкина и четырнадцатитомное издание сочинений Гоголя обладают существенными недостатками (в первом, например, отсутствует научный аппарат). Поэтому и они не могут быть признаны «научно-образцовыми».

Ввиду большого объема собраний сочинений авторов нового времени и меньшей их «специфичности» издания эти не предназначаются отдельно для лингвистов и отдельно для литературоведов.

Итак, выбор типа издания зависит в первую очередь от особенностей издаваемого текста и во вторую — от того, для какого читателя издание предназначается.

УСЛОВНЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Необходимо стремиться к тому, чтобы различные условные обозначения всегда, во всех изданиях употреблялись в одинаковом значении. Это значительно облегчит пользование изданиями. Некоторые обозначения уже сейчас употребляются одинаково — в изданиях памятников нового времени и древнего.

Курсивом набирается все то, что вносится в текст памятника от публикатора: редакционные примечания в тексте, конъектурные поправки, буквенные условные обозначения списков в примечаниях, редакторские замечания в подстрочных примечаниях и пр.

Полужирный шрифт в изданиях рукописных памятников употребляется для обозначения киноварных букв, слов и строк.

<> — угловые, или ломаные, скобки употребляются для предположительного текста; например для текста восстановленного (для конъектур употребляется также курсив).

<...> — три точки внутри угловых скобок применяются для обозначения пропусков в тексте.

[ ] — квадратные скобки применяются для обозначения зачеркнутого.

[ ]* — звездочка после квадратных скобок — знак восстановления зачеркнутого или предположительного чтения.

| — вертикальная черточка употребляется для обозначения перехода от строки к строке.

|| — две вертикальные черточки употребляются для обозначения перехода со страницы на страницу. На полях или сразу после двух вертикальных черточек в круглых скобках курсивом пишется номер страницы, на которой текст продолжается.

ПЕРЕДАЧА ТЕКСТА

Прочтенный и установленный текст подготовляется к изданию с учетом характера текста и целей издания.

Передача текста различается в зависимости от того, в чем ценность памятника, к какому времени он относится, каким алфавитом он написан или напечатан, к какому этапу истории языка он относится, принадлежит ли он во всех своих деталях автору или отражает нормы, внесенные в него редактором, корректором, переписчиком и т. д.

История текста произведения имеет первостепенное значение для выработки правил передачи текста.

Различается передача текста и в зависимости от того, для кого печатается — предназначается ли издание для лингвистов или для литературоведов и историков; имеется ли в виду научное издание или популярное (детское, учебное, массовое и пр.); предполагается ли дипломатическое издание или обычное — критическое.

Текстолог обязан прежде всего установить точные правила передачи текста. Отдельные положения этих правил должны быть строго согласованы между собой и находиться во внутреннем «равновесии» требований. Недопустимо, чтобы одно из правил требовало бы большей точности, а другое — меньшей, одно предусматривало интересы лингвистов, а другое не предусматривало их, одно сохраняло бы не только языковые формы, но и орфографические особенности, а другое не передавало бы орфографии и меняло бы язык памятника.

Составляя правила передачи текста, текстолог обязан определить свое отношение к механическим ошибкам, к графике, к орфографии и к языку издаваемого текста. Ошибки, возникшие помимо воли автора, не являются элементами текста (см. выше, стр. 9). Сохранение их допустимо только тогда, когда издается не только текст, но и рукопись (издания дипломатические и факсимильные). Так же точно в недипломатических изданиях нет смысла сохранять графику текста (начертания «у» как «оу», треугольный «юс» и пр.). Орфография подлинника, если она не связана с языком, не сохраняется в популярных изданиях и частично может не сохраняться в научных. Явления языка должны сохраняться во всех изданиях. В тех случаях, когда текстолог сам не может отделить графику от орфографии, а последнюю от языка памятника, — он обязан обращаться за консультациями к лингвистам. Смешение явлений орфографических и языковых — обычная ошибка правил передачи текста.

Расстановку знаков препинания в той мере, в какой она отражает авторский стиль, особенности синтаксиса, необходимо сохранять. В текстах, относящихся ко времени, когда не была принята современная пунктуация, надо ставить знаки препинания, сообразуясь с особенностями синтаксиса того времени. Если та или иная расстановка знаков препинания может изменить смысл фразы, нельзя просто пропустить знак препинания (так делают некоторые издатели древнерусских текстов). Пропуск знака препинания может уже дать определенный смысл. Знак должен быть поставлен согласно тому пониманию текста, которое предпочитает текстолог, но предположительность его должна быть отмечена угловыми скобками и объяснена в примечаниях. В текстах нового времени следует следить за тем, чтобы изменение знаков препинания не меняло интонации и ритма прозы. Особенно не рекомендуется изменять знаки точки и вопроса. Ни в коем случае не следует механически менять знаки препинания у автора XIX и XX вв. по школьным правилам современной орфографии, как это иногда делается даже в изданиях Пушкина, Лермонтова, Горького и др. Насколько сложно обстоит вопрос с расстановкой знаков препинания у авторов нового времени, показывают споры польских текстологов относительно допустимости сохранять своеобразную пунктуационную систему польского поэта Ц. Норвида. Надо надеяться, что вопросы расстановки знаков препинания в изданиях классиков станут в ближайшее время предметом глубоких совместных исследований текстологов и лингвистов.

В древних текстах, в которых забота переписчика о красоте строки иногда выражается в добавлениях или исключениях букв и знаков в конце строки, чтобы подогнать строку к нужному размеру, имеет смысл отмечать конец строки вертикальной черточкой. В рукописях и надписях мы часто имеем дело с порчей текста, вызывающей необходимость отмечать в издании пропуск. В таких случаях важно отметить количество пропущенных букв (при небольших пропусках) или строк и страниц (при больших пропусках).

Следует помнить, что абзац является в новых памятниках важным членением текста. Произвольное изменение авторского деления на абзацы не допускается.

Правила передачи текста должны быть едины для основного текста и для тех текстов, которые привлекаются для разночтений (см. ниже, стр. 78—81).

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОДГОТОВКЕ ТЕКСТА ТЕКСТОЛОГОМ

Чтобы в издаваемый текст могло проникнуть возможно меньше ошибок, рекомендуются следующие приемы.

Не следует переписывать текст до того, как выработаны подробные и ясные правила передачи текста. При переписке следует вносить только наиболее ясные и простые исправления согласно выработанным правилам передачи текста; более сложные исправления и знаки препинания рекомендуется делать в уже переписанном тексте. Правка должна вноситься так, чтобы можно было прочесть для проверки переправленные (зачеркнутые) буквы. Только при этом условии может быть достигнута систематичность и явится возможность еще раз обратиться к местам, внушающим сомнения (ср. ниже аналогичное правило подведения разночтений).

Если издается печатный текст, необходимо пользоваться экземпляром издаваемого печатного текста, внося в него исправления (согласно правилам передачи текста) карандашом (чтобы можно было прочесть текст и в неисправленном виде). Пользоваться для издания рукописного текста другим изданием в качестве основы, занося на него исправления по издаваемому тексту, не рекомендуется: этим приемом можно занести в издаваемый текст ошибки из другого издания.

Для того чтобы избегнуть ошибок прочтения, надо хорошо знать графику и язык рукописи (или печатного текста), в трудных случаях, не откладывая, прибегать к помощи справочных пособий и консультироваться со специалистами.

Для того чтобы избегнуть *ошибок запоминания*, надо списывать текст небольшими отрывками (по два-три слова), кладя списываемую рукопись возможно ближе к себе и к рукописи, в которую текстолог переписывает текст.

Ошибки внутреннего диктанта избегаются тем, что текстолог переписывает текст, только внимательно разобравшись в его языке и содержании.

Ошибки письма должны устраняться тотчас после того, как текстолог переписал очередной отрывок в два-три слова, для чего переписанный отрывок следует тотчас же перечесть. Следует выработать навыки не только перечитывать текст по содержанию, но и «охватывать» текст в количественном отношении (следя за количеством слов и букв во избежание пропусков и повторных переписок).

Наиболее опасные ошибки в работе текстолога — ошибки переосмысления или осмысления. Поэтому никогда не следует довольствоваться приблизительным пониманием текста — «полусмыслом», «полупониманием». Это «полупонимание» текста наиболее опасно с точки зрения возможностей ошибок осмысления.

Когда текст переписан, текстолог должен еще раз перечесть по рукописи весь переписанный текст. Следует помнить, что проверка текста вдвоем (один читает, а другой сверяет переписанный текст), имея свои положительные стороны, все же плодит много специфических ошибок (ошибки слуха и др.).

Текстолог должен внимательно изучить не только типы ошибок оригинала, но и знать типы ошибок, которые он делает сам: это помогает не допускать их в собственной работе.

Знание истории текста предохранит от ошибок и от порчи текста необоснованными исправлениями. Знание истории текста предполагает хорошее, теоретическое знание языка и литературных особенностей эпохи.

Работать следует без напряжения, с первых же шагов собственной текстологической работы вырабатывая правильные приемы, которые должны стать привычными.

При пользовании для подготовки текста микрофильмами, ротокопиями или фотографиями с издаваемой рукописи необходимо в конечном счете проверить подготовленный текст по рукописи. Если текст по рукописи не проверен, то публикатор должен это особо оговорить и указать — по какому виду фотовоспроизведения текст издается (каждый вид фотовоспроизведения имеет свои характерные типы ошибок). Корректуры рекомендуется проверять по рукописи или по одному из видов фотовоспроизведения, а не по машинописи или по типографскому оригиналу, в которые могли вкрасться ошибки.

Необходимо стремиться, чтобы количество переписок текста (от руки или на машинке) было возможно меньше. Ошибки закрадываются в текст именно в процессе переписки.

Чем меньше участников коллективного издания, тем меньше опасность разных приемов работы, появления ошибок и пр. Наиболее ответственные издания должны готовиться одним текстологом, проводящим все процессы издания. Чем крупнее издание и больше участников, тем больше и тверже должна быть роль главного редактора, организующего работу, следящего за единообразием этой работы, составляющего правила передачи текста и пр.

Между воспроизводимым текстом в рукописи и текстом, воспроизведенным в издании, должно быть как можно меньше промежуточных инстанций; в идеале — только одна: редактор и только один раз переписанный им текст.

ПОДГОТОВКА РАЗНОЧТЕНИЙ

Разночтения издаются в научных изданиях в тех случаях, когда авторских текстов несколько, отсутствует авторский текст и памятник известен по многим спискам и необходимо дать представление о всех списках. Разночтения необходимы так же, как корректирующий материал (в тех случаях, когда основной список не может дать первоначального текста без исправлений) и как обоснование выбора основного списка.

При подведении разночтений не обязательно использовать все списки. Так, к разночтениям не привлекаются списки, если они ничего не прибавляют для истории текста. Не привлекаются, например, простые копии дошедших до нас списков.

В публикациях для литературоведов и историков нет смысла приводить все разночтения по привлекаемым к изданию спискам: графические, орфографические, пунктуационные.

Устанавливая правила выбора разночтений, нужно прежде всего считаться с характером памятника, с характером истории его текста (и, следовательно, с характером самих разночтений) и с целями издания.

Система выбора разночтений должна быть строго единой для всех списков. Нельзя выделять «интересные» списки особыми «льготными» правилами выбора из них

разночтений, а для других списков устанавливать другую, сокращенную систему подведения разночтений.

Система выбора разночтений должна быть строго согласована с системой передачи основного текста. Если, допустим, основной текст печатается с изменением орфографии, то вводить орфографические разночтения невозможно.

Чтобы добиться выдержанности системы подведения разночтений, предпочтительно систему эту вводить в уже полностью подведенных разночтениях или в разночтениях относительно полных (допустим, без легко устранимых графических и пунктуационных), вычеркивая (карандашом с тем, чтобы можно было прочесть вычеркнутое) ненужные разночтения. В этом случае публикатор легко может себя проверить — насколько единообразно он подбирает разночтения для издания.

Когда публикатор основательно проверит все разночтения, можно приступить к их нумерации. Лучше всего нумеровать разночтения не постранично (страницы в верстке могут меняться и тогда нумерацию приходится изменять), а сплошь, от 1 до 100, и затем начинать новую сотню, обозначая каждую сотню римской цифрой.

Разночтения могут даваться внизу страницы или в конце, вслед за текстом памятника, или, если их немного, — в текстологическом введении. Последние способы предпочтительней в изданиях, рассчитанных на широкого читателя.

Когда разночтение относится к одному слову, знак сноски ставится в конце того слова, к которому относится разночтение. Если же разночтение охватывает несколько слов, то знак сноски ставится у первого и последнего слова, к которым относится разночтение. Существует, однако, два способа отмечать первое слово, к которому относится разночтение: знак сноски в одном случае ставится, как обычно, в конце первого слова, а в другом — в начале первого слова, при этом все место, к которому относятся разночтения, как бы берется в «клещи». Этот способ нагляднее отмечает место текста, к которому относятся разночтения, и поэтому он предпочтительнее.

Списки обычно условно обозначаются прописными буквами русского алфавита. Если не хватает русских букв, прибегают к буквам латинского алфавита, затем греческого и др.

Существует две системы расстановки условных обозначений списков. Одни издатели обозначают списки прописными буквами в алфавитном порядке, располагая их по степени близости списка к основному тексту. Первый список, наиболее близкий к основному тексту, обозначается буквой *А*, второй — *Б*, третий — *В* и т. д. Однако в этой системе есть два недостатка. Первый: если в процессе работы обнаруживается новый список, — необходимо ломать всю систему условных обозначений списков. Второй: эти условные обозначения плохо запоминаются. Поэтому удобнее другая система: обозначать список по первой букве его названия или названия того собрания, в котором он находится. Если названия списков начинаются с одной и той же буквы, — в следующее условное обозначение вводится из названия списка вторая строчная буква. Степень близости списка к основному будет видна из порядка, в котором расположены разночтения. Наиболее близкий список идет первым, остальные списки располагаются за ним в той же последовательности.

Конечно, степень близости списка к основному не всегда точно может быть определена. Порядок, устанавливаемый публикатором, часто условен.

Если разночтение не просто заменяет собой текст основного списка, а оказывается в своеобразном положении по отношению к тексту основного списка (например, слово зачеркнуто, стерлось, бумага повреждена, слово просто отсутствует и пр.), то это своеобразие должно быть отмечено в разночтениях словесно. При этом словесные обозначения должны быть краткими и в сходных случаях одинаковыми. Весь текст от редактора (отсутствующий в рукописях) должен набираться курсивом. Курсивом, следовательно, будут набраны в разночтениях условные обозначения списков и слова: «*вм.*» (вместо), «*нет*», «*доб.*» (добавлено), «*ркп.*» (рукопись), «*текст обрывается*», «*далее зачеркнуто*», «*вписано над строкой*» и пр.

От разночтений следует отличать примечания, которые делаются к основному списку и указывают на состояние основного списка (слово в основном списке зачеркнуто, буква в основном списке подправлена чернилами другого цвета, текст основного списка в данном месте поврежден и пр.). Примечания обычно выделяются в особый «этаж» (при постраничном расположении разночтений эти примечания даются над ними, но ниже публикуемого основного

текста) и отмечаются не цифрами (цифрами отмечаются разночтения), а строчными курсивными буквами.

Рекомендуется следующий технический прием подведения разночтений. Прием этот особенно удобен, если привлекаемых к разночтениям списков много и разночтения ожидаются обильные. Лист графится на вертикальные колонки по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка. Если разночтений ожидается много, то текст основного списка вписывается дробно — по одному, по два слова. Остальные вертикальные колонки предназначаются — каждая для разночтений одного списка. Разночтения пишутся строго против того места, к которому они подводятся. Следовательно, каждая строка основного текста соответствует по горизонтали своим разночтениям из других списков. Чтобы не сбиться со строки, удобно пользоваться линованной бумагой. При таком способе подведения разночтений мы можем привлекать все новые и новые списки и вносить исправления, не переписывая ни одной строки (переписка плодит ошибки!). Когда все разночтения подведены и изучены, вертикальные колонки переставляются в порядке их наибольшей близости к основному тексту. Группировать колонки можно, отрезая колонки одна от другой и переклеивая их в нужном порядке. Ножницы и клей подводят публикатора реже, чем перо и чернила. После группировки и сокращения ненужных разночтений они нумеруются.

По хорошо подведенным разночтениям можно восстановить тексты привлекаемых списков — в их смысловом виде (если привлечены только смысловые разночтения), стилистическом строе (если привлечены и стилистические разночтения) или языковом выражении (если даются и языковые варианты).

Четко подведенные разночтения — изящество публикации.

КАНОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Под каноническим текстом классического произведения обычно понимается текст раз и навсегда закрепленный,

установленный для всех изданий, текст твердый, стабильный, обязательный. Установление канонического текста классического произведения нового времени необходимо главным образом в практических целях массовых изданий. Тексты классических произведений издаются по многу раз, и невозможно, чтобы текст для каждого издания готовился заново.

Кем «устанавливается», «закрепляется», «канонизируется» тот или иной текст? Никаких официальных постановлений в этом отношении быть не может. Текст «канонизируется» общественным мнением специалистов-текстологов. Это — негласная договоренность, возникающая в результате публичных обсуждений и научных рецензий изданий классиков.

Обычная практика объявлять свой, подготовленный текстологом текст каноническим обличает нескромность текстолога.

Массовых изданий неклассических произведений значительно меньше, чем классических. Поэтому нет необходимости вырабатывать, например, канонический текст памятников древнерусской литературы. К тому же в древнерусской литературе трудно выявить авторский текст, предпочесть текст одного списка или одной редакции другим, так как изучение истории текста произведений очень часто остается незавершенным вследствие недостатка материалов.

Говорить об особых приемах выработки канонического текста не приходится. Любой текст должен вырабатываться для издания одними и теми же строго научными приемами — канонический и неканонический. Подготовка всякого текста к изданию опирается на изучение истории данного текста — будь это текст канонический или неканонический. Механического же применения отдельных приемов подготовки текстов не должно быть.

ВЫБОР АВТОРСКОГО ТЕКСТА

В литературе нового времени авторские тексты легче доступны, чем в литературах древних или средневековых. Они чаще сохраняются в автографах и прижизненных правленных автором изданиях. Это значительно упрощает дело с выбором основного текста для издания, в котором предполагается опубликовать только одну редакцию про-

изведения. Все же трудности есть и иногда немалые. Особенно сложен выбор текста, когда имеются несколько авторских рукописей, несколько авторизованных копий, несколько прижизненных изданий произведения и, самое главное, во всех этих рукописях, копиях и изданиях находятся различные редакции текста.

Выбор текста в этих случаях должен основываться на изучении истории текста и на учете задач издания.

По большей части при публикации классического художественного произведения выбор текстолога падает на тот текст, в котором воплощена последняя авторская воля. Однако следует принимать во внимание — отвечает ли этот текст по данным изучения его истории творческой кульминации авторского замысла, воплощен ли в тексте с наибольшей полнотой наиболее совершенный вариант замысла. Текстолог избирает по большей части последний прижизненный вариант текста потому, что предполагается, что автор постоянно совершенствует свой замысел и замысел этот мало или совершенно не меняется. Однако совершенно ясно, что без полного изучения истории текста, истории замысла произведения и истории «воли автора», а также без художественной оценки всех вариантов и редакций текста применять принцип «последней авторской воли» нельзя. Поэтому в последнее время текстологи говорят не о «последней авторской воле», а о «последней творческой авторской воле». Эта небольшая оговорка в корне меняет дело, так как она лишает текстолога права механически применять принцип «последней авторской воли» и вынуждает его художественно оценивать варианты и редакции текста.

Необходимая для выбора текста художественная оценка должна строиться на объективных данных истории текста. Рассматривая варианты и редакции, текстолог оценивает их через призму наиболее полного воплощения в них наилучшего замысла автора. В данном случае, как и во многих других, текстолог стремится выявить внутренние «соответствия» текста, обнаружить тот текст, в котором меньше всего внутренних противоречий и противоречий авторскому замыслу. Оценка художественной стороны различных вариантов текста текстологом отличается от оценки произведения художественным критиком. Последний по большей части имеет дело с одним, окончательным, текстом и исходит из своих суждений о форме и

содержании произведений, текстолог же исследует динамику текста и оценивает различные варианты и редакции на сравнительной основе и исходя из особенностей динамики авторского замысла.

Конечно, такой подход к выбору текста сложнее, чем формальное следование «последней воле автора». Как бы это ни было соблазнительным, текстолог не должен становиться юристом, разыскивающим воображаемое авторское завещание и придающим ему характер незыблемого документа, имеющего безоговорочную юридическую силу.

Выше мы говорили о выборе текста классического художественного произведения, не потерявшего своей художественной значимости для современного читателя. Иным будет выбор текста произведения, имеющего по преимуществу историко-литературное значение. В этом случае следует издавать тот текст, который имел наибольшее историко-литературное и общественное значение: например, текст первого издания, возбудившего полемику; текст рукописи, читавшейся в подпольных кружках; текст, повлиявший на другие произведения, и т. д. — в зависимости от того, в чем заключалась наибольшая историко-литературная ценность произведения.

Исторический принцип должен быть положен и в основу издания исторического документа.

Выбор текста необходимо сообразовывать с целями издания. Так, например, если историческое издание ставит себе целью собрать все документы, вышедшие из-под пера того или иного лица, — необходимо издавать текст авторский (по рукописи или правленному изданию). Если же издание ставит себе целью отразить исторические события в документах, — необходимо издавать текст, опубликованный во время этих событий, хотя бы этот текст и был не авторским, подвергался в свое время правке и пр.

Итак, выбор текста должен основываться на истории текста и сообразовываться с задачами издания. Приятная для публикатора возможность легко, без особого труда и ответственности, сложить с себя все заботы по выбору текста, как только выявлена «последняя воля автора», в настоящее время, к счастью для науки, уже отсутствует.

ВЫБОР ОСНОВНОГО СПИСКА ДЛЯ ИЗДАНИЯ ПРИ ОТСУТСТВИИ ДОСТОВЕРНОГО АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Совершенно недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском виде, должны быть решительно отвергнуты. Поэтому особенное значение при наличии нескольких текстов произведения приобретает выбор основного списка для издания.

Наиболее простой случай: текстолог берет за основу самый исправный список, т. е. список, в котором нет или сравнительно мало внешних дефектов — пропусков, описок, неясных мест и пр. Однако исправность списка может быть «мнимой» — результатом последующих исправлений и осмыслений переписчиков, а не следствием сохранности его первоначального вида.

Другой случай: текстолог берет за основу наиболее древний список из дошедших, — список, ближе всего по дате своего написания стоящий к авторскому тексту. Однако древность списка еще не означает древности его текста. Древнейший текст может быть представлен списком более молодым, но списанным с оригинала более древнего.

Третий случай: публикатор принимает за основной список «наиболее типичный» — тот, который содержит меньше всего индивидуальных чтений, текст которого получает подтверждение в большинстве других списков. Однако «индивидуальный» текст может быть древнейшим, а «типичный» текст — результатом многократной переписки позднейшего текста, своеобразной «вульгатой». Типичный текст мог создаться и в результате выборочной переписки текста из разных списков, смешения текстов списков и редакций.

Основной список выбирается не по формальным признакам, а на основе данных изучения истории текста произведения. Только история текста произведения дает объективные показатели для выбора основного списка. Им должен быть текст, дающий наилучшее представление о том этапе истории текста, который публикатор считает необходимым предоставить читателю. Следовательно, понятие «основного списка» в значительной мере условно и

зависит от цели, которую преследует издание текста. Если цель издания — дать авторский вид памятника, то основным списком будет тот, который, в результате изучения истории текста памятника, окажется наиболее близким этому авторскому виду. Если цель издания — дать представление о всех этапах истории текста памятника, то основные списки должны быть ближайшими по тексту к отдельным этапам истории текста памятника: редакциям (всем или важнейшим), видам, изводам и т. д.

Одним словом, основной список должен быть наиболее близок по тексту тому этапу истории текста памятника, о котором текстолог считает нужным дать в своей публикации представление читателю.

Этим не исчерпываются трудности выбора основного списка. Напротив, тут-то они только и начинаются.

В самом деле, не всегда возможно достаточно точно выявить историю текста: иногда материала для этого недостаточно. В таком случае основной список лучше всего выбирать из наиболее типичных — это в общем снижает риск ошибки.

Случается, что о том или ином этапе истории текста дает наилучшее представление не один список, а в разных отношениях несколько. Допустим, по составу текста лучший список один, а по отдельным чтениям другой. В таком случае выбор зависит от характера испорченных чтений списка, лучшего по составу: если искажения чтений не являются результатом сознательной работы переписчиков и могут быть исправлены как простые механические ошибки, — выбор должен пасть на список, лучший по составу. Однако, если в списке с лучшими чтениями состав может быть исправлен путем вставок из другого списка недостающих частей (о случаях, в которых допустимы такого рода вставки, см. ниже, стр. 87), то выбор должен пасть на последний список.

Само собой разумеется, что если в списках представлены разные редакции, то выбор должен делаться прежде всего между редакциями, и только после того, как редакция выбрана (независимо от качества представленных списков этой редакции), — между списками избранной редакции.

Выбор особенно труден, если работа над произведением заняла много лет и в процессе этой работы у автора сменилось несколько замыслов (несколько вариантов за-

мысла). Что, скажем, считать лучшим для издания текстом «Демона», если «Демон» сопровождал Лермонтова в течение всей его жизни?

В выборе основного списка многое зависит от изученности истории текста, от такта публикатора. Тактичность же не всегда подсказывается правилами.

ИСПРАВЛЕНИЯ ТЕКСТА ОСНОВНОГО СПИСКА

В исправлениях основного, принятого для издания текста публикаторы допускают иногда крайний субъективизм, выбирая «лучшие чтения» из других редакций памятника или из других списков и объявляя эти «лучшие чтения» авторскими, соответствующими якобы авторской воле. Как мы уже указали, ни в коем случае нельзя смешивать различные тексты (тексты различных редакций, видов, изводов), выбирать наиболее понравившиеся публикатору чтения из других списков.

Исправления могут только выявлять затемненный механическими ошибками текст, но не улучшать его, не создавать «сводный» или реконструированный текст. Однако понятие текста (см.) подразумевает его осмысленность. Если в рукописи есть механические (бессознательные) ошибки (описки и пр.), — они должны быть устранены. Это устранение ошибок принципиально отлично от замены «худших» чтений «лучшими».

Исправление ошибок в научном издании должно быть мотивировано: в примечаниях должно быть указано не только ошибочное чтение, но и по возможности раскрыто и происхождение ошибки (в простейших случаях — указан тип ошибки).

К числу механических ошибок относятся не только описки (ошибки чтения писца, ошибки запоминания, внутреннего диктанта, письма, переосмысления), но и путаница в листах, внешние дефекты рукописи или издания, ошибки набора и пр.

В тех случаях, когда недостает куска текста, он может быть восполнен по другому списку, с обязательным выделением в тексте характером набора (набор с отступом, со шпонами или без шпон, разрядка, применение линеек и т. д.), шрифтом и пр. и указанием (в примечаниях) того, как и по каким мотивам произведено это восполнение.

Текстологическая работа по внесению исправлений — не реконструкция; это не более, чем опрятность.

ПУБЛИКАЦИЯ ЧЕРНОВИКОВ

Согласно с отстаиваемым в данной книге принципом — публиковать тексты после их текстологического исследования и как результат их исследования, а не до их текстологического исследования — черновые материалы следует сперва хронологически расслоить, установить историю работы автора, а затем публиковать, по возможности давая читателю представление о последовательности, в которой велась правка, набрасывались те или иные строки, и указывая, в каком контексте мыслилось автором то или иное слово.

Главное отличие чернового текста от белового состоит в том, что в черновом тексте имеется несколько слоев текста, причем прежде написанный текст частично используется автором для создания нового, и слои оказываются до известной степени совмещенными. Иногда в черновике только один текст носит более или менее законченный характер. Бывают, однако, черновики, в которых нет совсем законченного текста, и таких черновиков большинство. Если черновик имеет законченный текст, в виде одного из его слоев, то это чаще всего последний. Если законченный слой первый, то это по большей части черновик, продолжающий работу автора (автор берет рукопись, бывшую для него беловиком, и использует как основу для последующей правки).

Публикатор не может довольствоваться тем, что он разобрал в черновике все его слова и знаки препинания. Он должен понять текст, понять его не только с точки зрения смысла тех или иных фраз, но и с точки зрения последовательности, в которой черновик создавался. Понимание текстолога — это понимание истории текста. Простая истина, что нельзя публиковать текст, если он не понят, не всегда ясна издателям. Понимание, впрочем, может быть предположительным. В таком случае публикатор должен об этом заявить в своем издании.

Если в черновике удалось установить два или больше стилистических и смысловых связных текста, — эти слои должны печататься отдельно, хотя бы для этого часть текста, общего для различных слоев, и пришлось печатать

вторично. Это объясняется тем, что в черновиках автор для быстроты и упрощения своей работы обычно вкомпановывает новый текст в состав старого. Следовательно, в отдельных частях единожды написаннного текста может быть на самом деле два или даже больше текстов.

Отдельный слой черновика может охватывать весь текст черновика (тогда этот слой носит законченный характер), но чаще только часть его и иногда весьма незначительную. Установление объема слоя, подлежащего печатанию отдельно, — дело такта текстолога. Текстолог в зависимости от контекста должен решить — в каком объеме данный слой может быть прочитан и понят в своем авторском замысле читателем. Естественно, что необходимо восстанавливать не менее одной фразы; только тогда читатель сможет иметь представление о том, как автор совершенствовал свое произведение. В черновиках стихотворных текстов печатаемый слой должен дать представление и о стихе (ритме, рифмах) текста.

Как уже говорилось, в произведениях нового времени, представленных авторскими текстами, основной текст — обычно (но не всегда) один из последних его авторских вариантов, за которым признается его наибольшая творческая законченность. Другие редакции и варианты печатаются после этого текста. Хронологическая последовательность, таким образом, при печатании произведений нового времени нарушается. Однако при публикации черновиков хронологическая последовательность текста должна строго соблюдаться. Наиболее ранний слой черновика печатается первым, все остальные слои — в порядке их создания за ним. Смысл печатания черновика не в том, что он дает законченный текст,[1] а в том, что он дает читателю представление о творческом процессе.

Отдельные слои текста печатаются самостоятельно и в последовательности их создания. Последовательность их создания отмечается алфавитным порядком строчных курсивных букв, печатаемых впереди варианта.

---

[1] Под законченным текстом мы разумеем не текст окончательный (последний вырабатывается в результате всего творческого процесса, и в нем особую роль играет авторское переписывание с черновика), а текст, который может быть связно прочтен, грамматически и логически осмысленный (хотя в стихотворных текстах законченный текст может содержать ошибки против ритмики, рифмовки и пр.).

Если последний слой черновика представляет собой все же вполне законченный текст, — он может печататься вначале, а предшествующие слои в сносках с тем же обозначением последовательности (так это принято в шестнадцатитомном «Полном собрании сочинений» Пушкина). Исключение это оправдывается тем, что черновик с вполне законченным текстом — не черновик в полном смысле этого слова.

Степень предположительности восстановления того или иного слоя непременно отмечается публикатором в примечаниях, как и степень предположительности всего понимания и расслоения черновика.

Если черновик не поддается осмысленному (послойному, историческому) прочтению, — текст черновика не может публиковаться. В таком случае возможно только опубликование его рукописи. Мы знаем из изложенного выше, что существуют два способа публикации рукописей: дипломатический и факсимильный (фотографический, цинкографический и пр.). Из этих двух способов наиболее подходит для публикации не поддающихся осмысленному прочтению черновиков — факсимильный.

В самом деле, дипломатический способ публикования рукописей черновиков требует создания сложных способов транскрипций. Но эти транскрипции, как показывает опыт публикаций такого рода, не дают четкого представления о рукописи, о расположении строк, о цвете чернил, о смене почерков, орудий письма, характере вычеркиваний и подчеркиваний и пр., что для установления последовательности создания черновика имеет первостепенное значение. Поэтому следует рекомендовать для публикации текстологически непрочитанных рукописей черновиков или прочитанных лишь предположительно факсимильные публикации. Рядом с этими факсимильными публикациями могут печататься и дипломатические воспроизведения, которые в данном случае могут играть роль подспорий для чтения отдельных слов чернового текста.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ИЗДАНИИ

Наиболее сложен вопрос о расположении произведений в собраниях сочинений авторов.

Допустимы три принципа расположения материала: хронологический, жанровый и тематический. Тематический принцип применяется в некоторых случаях только в изданиях массовых или рассчитанных на детей и для учебных целей (например: отдельно статьи по астрономии, географические работы, научно-фантастические произведения и пр.). Жанровый принцип обычно применяется с «укрупнением» жанров до видов литературного творчества (например: отдельно стихотворения, поэмы, проза, драматические произведения, статьи, письма). Для изданий массовых допустимо выделение особого отдела юношеских произведений. Внутри каждого из этих отделов произведения, как правило, располагаются в хронологическом порядке. Произведения, время создания которых неизвестно, располагаются в отделе позади произведений точно датированных. Если время создания произведения известно приблизительно в пределах года или месяца, то оно печатается в конце произведений этого года или после произведений, созданных в этом месяце. Произведение, над которым автор работал несколько лет или месяцев, помещается по дате его окончания.

Как быть с авторскими циклами произведений или с расположением произведений, сделанным самим автором в прижизненных изданиях (сборниках и собраниях сочинений)? Здесь никакие механические решения недопустимы. Только изучение самих произведений, истории их текста и истории создания авторских циклов может дать обоснованный ответ на этот вопрос. Если цикл произведений объединен отчетливым идейно-художественным замыслом, — он должен быть сохранен в составе произведений. Но бывает так, что цикл создан под влиянием «временных» и специфических обстоятельств (автор может быть ограничен объемом, требованиями массового издания, опасениями цензуры, может подчиниться коммерческим соображениям и т. п.), — в этом случае публикатор волен вносить изменения и даже разрушать авторский цикл. То же самое необходимо сказать и об изданиях тех произведений, в отношении которых известно, что автор не хотел их публиковать. Но в последнем случае необходима оговорка: в издании, предназначающемся для изучения творчества писателя, должно печататься все, не исключая и черновых набросков, которые, разумеется, не предназначались непосредственно для печати; в издании же для широкого читателя необходим от-

бор, в котором не последнюю роль должно играть внимательное изучение творческой воли писателя.

Итак, создавая композицию собрания сочинений того или иного автора, необходимо в первую очередь считаться с данными изучения истории произведений, их внутреннего значения для собрания сочинений и во вторую очередь — с типом и целями издания.

Совершенно неверно утверждение некоторых текстологов о том, что, создавая композицию издания, в первую очередь необходимо считаться с типом издания.

Тип издания не может существовать независимо от типа произведений. Поэтому надо сперва изучить характер произведений, характер творчества писателя, а затем создать тип «жилища» для этих произведений.

Воля автора не является «истиной в последней инстанции». Напротив, она сама нуждается в изучении, в определении ограничивающих ее исторических обстоятельств, ее творческих и нетворческих составляющих. Только в связи со всеми этими обстоятельствами публикатор может решить вопрос о том, насколько он ей будет следовать в своей публикации.

В произведениях нового времени и особенно в произведениях древних большое значение имеет вопрос о расположении редакций произведения в изданиях. Расположение редакций произведения в правильной временной последовательности их создания позволяет правильно понять их идейный и художественный смысл. Читая редакцию вне ее связи с предшествующими, мы иногда не можем уловить оттенки ее идейно-художественного замысла. Ведь создавая новую редакцию, автор или один из ее составителей мог ограничиться незначительными изменениями. Сравнивая места, подвергшиеся последующим изменениям, с этими самыми изменениями, мы постигаем смысл новой редакции и узнаем, как понимался ее составителем предшествующий текст. В новых редакциях особую важность имеет не только то, что в них написано, добавлено, но и то, что в них не написано, пропущено; не только то, что хотел сказать автор или редактор, но и то, что он не хотел сказать, что он хотел пропустить из предшествующего текста. Иногда даже это последнее в редакциях важнее, чем первое. Поэтому последовательность редакций должна была бы быть хронологическая. Но из этого правила обычны исключения: в из-

даниях для массового читателя. В последних нельзя рассчитывать на то, что читатель будет изучать историю произведения (хотя такие читатели с ростом читательской культуры встречаются все чаще и чаще), поэтому впереди печатается лучшая редакция (канонический текст произведения; обычно, но не всегда, лучшая редакция из авторских — последняя). В научных изданиях, рассчитанных на неспециалистов, также принято окончательную редакцию произведения печатать первой.

Памятники старинной литературы, в которых первая редакция обычно наиболее ценная, при публикации которых особенно необходимо дать представление о различных этапах развития текста, — редакции печатаются строго в хронологической последовательности их создания.

Итак, в расположении произведений и их редакций в издании есть непоследовательность: исторический принцип расположения нарушается там, где доминируют интересы неквалифицированных читателей.

РЕКОНСТРУКЦИИ

Как уже было указано (стр. 48), реконструкции не являются подлинным текстом, поэтому издание реконструкций нельзя смешивать с изданием дошедших текстов. Реконструкции — это части исследований, применяемые для того, чтобы сделать более ясными (наглядными) и более убедительными выводы исследований. Поэтому реконструкции должны печататься либо в составе исследования, либо, если они велики, в приложении.

Соединять реконструкцию с подлинным текстом можно только в одном случае: если в реконструируемой части подлинный текст полностью утрачен и реконструкция важна для цельности впечатления, но и в этих случаях следует отчетливо отделить реконструируемую часть от подлинной, выделяя ее шрифтом и снабжая соответствующими оговорками.

Реконструкции всегда должны печататься вместе с подробными обоснованиями, по которым эти реконструкции выполнены. Обоснования печатаются в археографическом введении или в текстологическом исследовании.

Реконструкции, как в зодчестве, — это новые сооружения, возведенные на основании изучения остатков и различных свидетельств. Это не документы, а произведения творческого воображения исследователей.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ ИЗДАНИЯ

Справочный аппарат издания — это археографическое введение и текстологическое исследование, правила передачи текста (иногда печатаемые отдельно), комментарии, указатели (именные, географические, предметные, терминологические и др.), словоуказатели, словарь, библиография. Иногда массовые издания сопровождаются общими статьями, биографическими очерками писателя, публицистическими введениями и пр. — этого рода материалы собственно к изданию текстов не относятся и здесь не рассматриваются.

Археографическое введение. В нем в чисто информационном порядке сообщаются сведения о рукописях, местах их хранения, шифрах, внешней сохранности, датировочные данные, сведения о языке, почерках, водяных знаках на бумаге, дается распределение текста рукописей по редакциям и видам на основании их исследования. Кроме того, сообщаются сведения о первой публикации, об изданиях. Археографические сведения должны излагаться сжато, чтобы быть удобными для наведения справок. Элементов текстологического исследования в археографическом введении не должно быть. Археографическое введение удобно давать в виде самостоятельной статьи, но оно может быть соединено и с какой-либо другой частью справочного аппарата, где его все же можно было бы легко разыскать. В собраниях сочинений, где публикуется в археографическом отношении разнородный материал, археографическое введение может даваться к каждому произведению отдельно и печататься в соединении с комментарием к данному произведению в приложении (удобно начинать комментарий с археографического введения).

Текстологическое исследование. Его нельзя смешивать с археографическим введением, носящим чисто информационный характер, но можно соединять с последним в качестве второй части статьи. Текстологическое исследование раскрывает историю текста публикуемого произведения или группы произведений, объединенных единой текстологической судьбой. В нем даются не только результаты исследования, но обязательно приводятся и все основные доказательства. Если история текста не может быть установлена или сравнительно проста — текстологиче-

ского исследования, как самостоятельной части публикации, может и не быть.

Правила передачи текста должны обязательно предпосылаться каждому изданию. Они, как и археографическое введение, должны обладать всеми качествами справочной статьи: краткостью формы, ясностью изложения, удобством для наведения справок. При публикации отдельного произведения их предпочтительно соединять с археографическим введением. В собраниях сочинений, где археографическое введение печатается отдельно для каждого произведения, правила передачи текста должны быть едиными для всего издания и печататься в месте, удобном для наведения справок.

Комментарии могут быть текстологические, языковые, историко-литературные, реальные (биографические, исторические и пр.). В целях удобства пользования отдельные типы комментариев могут соединяться (например, языковой и реальный; в этом случае сперва помещаются языковые комментарии, а за ними реальные). Выбор типа комментария зависит в первую очередь от характера произведения, нуждающегося в том или ином типе пояснений, и во вторую очередь — от типа издания, от целей, для которых оно предназначено.

Наиболее сложный вид комментария — текстологический. Если история текста относительно проста, то она может быть соединена с текстологическим комментарием. То же следует сказать и об археографическом введении. Вообще соединение или разъединение археографического введения, текстологического исследования и текстологического комментария зависит от характера материала, от типа издания и от такта публикатора. Кроме того, в текстологический комментарий могут быть вынесены разночтения (см. выше, стр. 79), в изданиях древних памятников обычно печатаемые внизу страницы, а в изданиях памятников нового времени чаще всего — позади публикуемого памятника или непосредственно в текстологическом комментарии. Если разночтения вынесены в текстологический комментарий, они могут свободнее комментироваться, даваться с разъяснениями по истории текста.

В изданиях древних памятников удобнее всего археографическое введение с изложенными в нем правилами передачи текста, текстологическое исследование и разночтения давать отдельно, последние — внизу страницы. В собраниях

сочинений авторов нового времени все эти типы сопроводительных материалов объединяются в один текстологический комментарий, в котором даются следующие разделы: 1) перечень всех рукописных и печатных текстов произведения (последних прижизненных и имеющих текстологическое значение посмертных) с их характеристикой; 2) история текста произведения; 3) указание на текст, принятый за основной, с мотивировкой выбора; 4) разночтения, указания на вносимые исправления.

Историко-литературный комментарий не должен повторять или подменять собой вступительную статью. Комментарий должен быть конкретным и помогать читателю понять идейно-художественную сторону произведения.

Составление исследовательского комментария (текстологического, историко-литературного, реального) дело нелегкое и должно поручаться специалистам. Хороший исследовательский комментарий должен быть лаконичен по форме изложения, удобен для пользования. Отдельные статьи комментария должны быть внешне единообразно построены. В комментарии не должны включаться сведения, которые легко найти в общедоступных энциклопедических словарях, языковых словарях и элементарных справочниках (например, комментарий типа «пуддинг — английское блюдо»). В комментариях не должно быть повторений (следует прибегать к перекрестным отсылкам). Если комментируются часто повторяющиеся места текста, то статьи комментария могут быть расположены в алфавитном порядке в виде словаря. Крупный недостаток комментариев — неправильный выбор комментируемых мест: комментируется часто то, что легко может быть установлено, и совсем не комментируются те места текста, которые оказалось не под силу объяснить комментатору. Если какое-либо место не поддается объяснению — об этом должно быть честно сказано в комментарии.

Часто встречаются комментарии, повторяющие сведения, сообщенные в предшествующих комментариях к тому же произведению: этим путем передаются ошибки и обходятся комментированием наиболее сложные места текста. Комментарий к научному изданию должен носить исследовательский характер. Комментарий, излагающий более или менее известные данные, допустим только в научно-популярных изданиях.

Материал комментария чаще всего располагается в последовательности текста памятника. Комментируемое место удобнее всего повторять в комментарии, с указанием страницы и строки издания и помещать в качестве заголовка к отдельной статье комментария.

Указатели составляются того типа, который необходим для понимания данного текста, публикуемого в данном издании (наиболее распространены указатели именные, географические, предметные, терминологические и предметно-терминологические). В многотомных собраниях сочинений обязательны указатели произведений, помещенных в издании. Указатели произведений могут быть алфавитные (для стихотворных текстов с указанием первых строк стихотворений) и хронологические. Большое значение в собраниях сочинений могут иметь указатели персонажей. В некоторых случаях имеет смысл давать список произведений, ошибочно приписывавшихся данному автору, и Dubia, если последние не печатаются в виде особого раздела в издаваемом собрании сочинений.

Словоуказатели сопровождают по преимуществу издания древних памятников, интересных с точки зрения языка. Словоуказатель иногда снабжается сведениями о встречающихся в памятниках грамматических формах.

Словари трудных для понимания, устарелых и областных слов и выражений помещаются обычно в изданиях древних памятников и фольклорных.

Библиографии могут быть различны по содержанию: полные, указывающие всю исследовательскую литературу по памятнику и все его издания, и рекомендательные — в изданиях, рассчитанных на широкого читателя. В изданиях научных особенно важны библиографические указания на прижизненные издания и издания дипломатические и факсимильные.

Указания об участниках издания крайне важны и должны делаться достаточно точно. Самый важный участник — после автора — всякого издания текста — это тот, кто непосредственно готовит текст для публикации, текстолог, исследовавший историю текста издаваемого произведения. Имена их должны стоять на самом видном месте издания (на титуле или в оглавлении, менее желательно в предисловии). В настоящее время очень часто работники, непосредственно подготовлявшие текст к из-

данию, не упоминаются на титуле издания; упоминаются лишь главный редактор или составитель.

Надо решительно возражать против составления «парадных редакций» из чиновных лиц, непосредственно не работающих по подготовке текста к изданию.

В предисловии необходимо указывать консультантов: лиц, сообщивших местонахождение рукописей, определивших почерк, время рукописей, помогавших обнаружить те или иные фактические данные и пр.

Текстолог должен по возможности сообщать о приготовленном им тексте все то, что он сам ищет в исследуемых им текстах. Он должен помнить, что и его работа может когда-нибудь в свою очередь привлечь внимание текстолога. Только тогда он будет последователен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К «ТЕХНИКЕ ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ»

Итак, техника издания текста основывается на изучении истории этого текста. Приемы издания текста диктуются в первую очередь фактами, установленными текстологией, — характером текста и его истории. Во вторую очередь приемы издания текста определяются адресатом — кому предназначено издание.

Приемы и правила издания лишь приспособляются для издания, но составляются они на основании данных исследований истории текста.

ОСНОВНЫЕ КНИГИ ПО ТЕКСТОЛОГИИ

Вопросы текстологии. Сборник статей. М., 1957.
Вопросы текстологии. Сборник статей, вып. 2, М., 1960.
Вопросы текстологии, вып. 3. Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964.
Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта» (сост. К. К. Бухмейер). «Искусство», М., 1963.
Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962.
Основы текстологии. Под ред. В. С. Нечаевой, М., 1962.
Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Корректурное издание на правах рукописи. Киев, 1914.
Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пгр., 1922.
Редактор и книга. Сборник статей, выпуск третий. М., 1962.
Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959.
Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов, М., 1963.
Clark A. C. Descent of manuscripts. Oxford, 1918.
Clark A. C. Recent Developments in textual Criticism. Oxford, 1914.
Collomp P. La critique des textes. Paris, 1931.
Dain A. Les manuscrits. Paris, 1949.
Górski K. Sztuka edytorska. Zarys teorii. Warszawa, 1956.
Greg W. W. The Calculus of Variants. Oxford, 1927.
Greg W. W. The Editorial Problem in Shakespeare. Oxford, 1954.
Havet L. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins. Paris, 1911.
Kantorowicz H. Einführung in die Textkritik. Sistematische Darstellung der textkritischen Grundsätze für Philologen und Juristen. Leipzig, 1921.
Maas P. Textkritik. 4-e Aufl., Leipzig, 1960.
Maas P. Textual critizism. London, 1958.
Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934; 2 ed., Firenze, 1952.
Rudles G. Les techniques de la Critique et de l'Histoire litteraire en littérature francaise moderne. Oxford, 1923.
Sievers E. Ziele und Wege der Schallanalyse. Leipzig. 1924.
Staehlin O. Editionstechnik. 2-e Aufl., Leipzig, 1914.

Tekstologia w krajach słowiańskich. Pod redakcją Konrada Górskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963.
Quentin Dom. Essais de critique textuelle. Paris, 1926.
Studi e problemi di critica testuale. Convegno di studi di filologia italiana nel centenario della Commissione per i testi di lingua (7—9 apr. 1960). Bologna, 1961.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Geschichte der Philologie. Leipzig, 1959.
Witkowski G. Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke. Ein methodologischer Versuch. Leipzig, 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Приложение

Дмитрий Сергеевич Лихачев

ТЕКСТОЛОГИЯ. КРАТКИЙ ОЧЕРК

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

Редактор Издательства *А. А. Воробьева*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Замараева*
Корректор *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 19/II 1964 г. Подписано к печати 17/IV 1964 г.
РИСО АН СССР № 128-189В. Формат бумаги 84×108 1/32.
Бум. л. 1 5/8. Печ. л. 3 1/4=5.33 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5,19.
Изд. № 2330. Тип. зак. № 623. М-08216. Тираж 4500.
ТП 1964 г. № 323. *Цена 21 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

21 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“